

Момбади

переводчик

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

*Под редакцией доктора филологических наук
профессора Л. С. БАРХУДАРОВА*

Издательство
«Международные отношения»
Москва 1969

I. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Л. Бархударов
(Москва)

УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ ИЕРАРХИИ И ПЕРЕВОД

(на материале перевода с английского языка на русский)

Мы определяем перевод как процесс замены речевого произведения (текста) на одном языке речевым произведением (текстом) на другом языке при сохранении неизменного плана содержания. Это значит, что при переводе происходит замена единиц плана выражения, т. е. единиц языка, но сохраняется неизменным план содержания, т. е. передаваемая текстом информация. Отсюда вытекает, что важнейшей задачей, стоящей перед переводчиком в процессе осуществления перевода, является отыскание в исходном тексте минимальной единицы, подлежащей переводу, т. е. такой языковой единицы, которой должно быть подыскано соответствие в переводящем языке (ПЯ), но составные части которой по отдельности не передаются средствами ПЯ. Такую единицу принято называть единицей перевода (*unit of translation*). Итак, единица перевода — это наименьшая единица исходного языка (ИЯ), которая имеет соответствие в ПЯ; она, как мы увидим дальше, сама может обладать сложным строением, но части ее, по отдельности взятые, «непереводимы», т. е. в тексте перевода им никаких соответствий установить нельзя.

• В языкознании принято считать, что наименьшей значимой единицей языка является морфема. Однако, как мы увидим из дальнейшего изложения, морфема лишь в редких случаях выступает в качестве единицы перевода. Дело в том, что, во-первых, весьма многочисленны случаи, когда

единым, нечленимым значением обладает не морфема, а языковая единица более высокого уровня — слово, словосочетание и т. д.; во-вторых, даже в тех случаях, когда эти единицы более высокого порядка — слова, словосочетания, предложения — являются неидиоматичными, т. е. семантически членимыми, нередко в ПЯ им соответствует одна нечленимая единица, в силу чего единицей перевода окажется, опять-таки, вся более высокая, чем морфема, единица ИЯ в целом — слово, словосочетание и пр. В сущности, единица любого языкового уровня может оказаться единицей перевода.

В современном языкознании принято различать следующие уровни языковой иерархии:

- уровень фонем,
- уровень морфем,
- уровень слов,
- уровень словосочетаний,
- уровень предложений,
- уровень текста.

В зависимости от того, на каком уровне ИЯ находится единица перевода, будем различать соответственно: перевод на уровне фонем, на уровне морфем, на уровне слов, на уровне словосочетаний, на уровне предложений, на уровне текста. Рассмотрим несколько подробнее эти разновидности перевода на различных уровнях языковой иерархии.

1. Перевод на уровне фонем (phoneme level). Фонема, как известно, не является носителем значения — она играет в языке лишь смыслоразличительную роль. Тем не менее, в практике перевода имеют место случаи, когда единицами перевода оказываются именно фонемы, т. е. фонемы ИЯ заменяются наиболее близкими к ним по артикуляции и звучанию фонемами ПЯ. Так, английское слово *lady* переводится на русский язык как *леди*, т. е. при переводе осуществляется замена фонем английского слова наиболее близкими к ним русскими фонемами: англ. фонеме [l] соответствует русская [л], англ. дифтонгу [ei] — русск. [э], англ. [d] — русск. [д'], англ. [i] — русск. [и]. (Мы говорим о фонемах, а не о буквах, потому что исходной формой языка является звуковая форма, единицами которой являются фонемы; буквы же — лишь более или менее точное изображение фонемного состава языка на письме).

Перевод на уровне фонем принципиально отличается от

всех других видов перевода тем, что, как было указано, фонемы сами по себе не являются носителями каких-либо значений. Поэтому вполне естественно, что этот вид перевода встречается в весьма ограниченном количестве случаев. Более или менее регулярно он применяется лишь при передаче имен собственных, напр., англ. Churchill — русск. *Черчилль*, англ. Liverpool — русск. *Ливерпуль* и пр., а также при передаче реалий, не имеющих соответствий в социальной и культурно-бытовой жизни нашей страны, напр., англ. tribalism — русск. *трайбализм*, англ. speaker — русск. *спикер* (в Палате общин), англ. teach-in — русск. *тич-ин* и пр.

2. **Перевод на уровне морфем (morpheme level).** В ряде случаев единицей перевода оказывается морфема, т. е. каждой морфеме переводимого слова в ИЯ соответствует определенная морфема в соотнесенном с ним слове ПЯ. Например, англ. слово president в определенных контекстах переводится на русский язык как *председатель* (напр., President of the General Assembly — *Председатель Генеральной Ассамблеи*). Если мы рассмотрим морфемную структуру английского и русского слов, то увидим, что каждой морфеме английского соответствует определенная морфема русского:

pre-	-sid-	-ent
↓	↓	↓
пред-	-сед-	-атель

(Правда, с точки зрения исторической, русское *председатель* является калькой не английского, а соответствующего ему латинского слова, но с синхронной точки зрения это не имеет значения: существенно лишь то, что при сопоставлении исходного английского слова и его русского перевода мы устанавливаем поморфемные соответствия).

Другим примером перевода на уровне морфем может служить английское one-sidedness, передаваемое на русском языке как *односторонность*; и здесь мы наблюдаем поморфемные соответствия:

one-	-sided-	-ness
↓	↓	↓
одно-	-сторон ¹ -	-ность

---

¹ В этом случае, правда, поморфемное соответствие неполное, ибо двум английским морфемам sid-ed соответствует одна русская *-сторон-*. Точнее было бы здесь говорить о соответствии на уровне основ.

Нетрудно заметить, что перевод на уровне морфем, как и на уровне фонем — сравнительно редкое явление; морфемная структура слов, имеющих одинаковые значения, в разных языках чаще всего не совпадает, особенно если принимать во внимание не только лексические, но и грамматические (словоизменяемые) морфемы, набор которых в разных языках различен.

3. Перевод на уровне слов (word level). В качестве примеров можно привести следующие английские предложения и их переводы на русский язык:

He	came	home.		
↓	↓	↓		
Он	пришел	домой.		
My	friend	lives	in	Moscow.
↓	↓	↓	↓	↓
Мой	товарищ	живет	в	Москве.
Who	told	you	this?	
↓	↓	↓	↓	
Кто	сказал	вам	это?	

В этих и подобных им примерах соответствия устанавливаются на уровне слов, т. е. слова выступают в качестве единиц перевода, в то время как поморфемных (и, тем более, пофонемных) соответствий здесь установить в целом нельзя (ср. англ. *came* — русск. *при-ше-л* и т. д.). Такой перевод (пословный или дословный) встречается гораздо чаще, чем перевод пофонемный или поморфемный. Однако и он ограничен в сфере применения — как правило, в предложении лишь часть слов получает при переводе дословные соответствия, в то время как остальные слова таких соответствий не имеют. Лишь в немногочисленных случаях в с л о ж е н и е в ц е л о м переводится на уровне слов; обычно это — крайне простые и элементарные предложения вроде приведенных выше. При переводе более сложных предложений различные лексические и синтаксические факторы делают пословный перевод невозможным или сводят его применение к минимуму.

4. Перевод на уровне словосочетаний (phrase level). Типичным примером такого перевода является, как правило, перевод идиоматических или устойчивых словосочетаний, то есть фразеологизмов — значение таких словосочетаний, как известно, не равняется сумме значений, входящих

в сочетание слов, в силу чего пословный перевод оказывается в подавляющем большинстве случаев невозможным и в качестве единицы перевода выступает все словосочетание в целом. Примеры: англ. take part — русск. *принимать участие* или *участвовать*; англ. first night — русск. *премьера*; англ. a fly in the ointment — русск. *ложка дегтя в бочке меда* и т. п. Не следует думать, однако, что единицей перевода могут быть только устойчивые или идиоматические словосочетания. Весьма нередко единицей перевода оказывается свободное словосочетание: так, если сравнить английское предикативное словосочетание (абсолютную конструкцию) with his hands in his pockets с ее русским переводом *засунув руки в карманы*, то мы увидим, что на уровне слов здесь соответствий установить нельзя, поскольку русскому слову *засунув* нет никакого словесного соответствия в исходном английском предложении, а английским словам with и his нет словесных соответствий в русском предложении; тем не менее, в целом все русское словосочетание является переводческим эквивалентом соответствующего английского, то есть перевод осуществляется на уровне словосочетаний.

Перевод на уровне словосочетаний — весьма распространенный вид перевода. Как уже было отмечено, при переводе чаще всего встречается такой вид соответствий, при котором некоторые слова в предложении переводятся дословно (т. е. перевод осуществляется на уровне слов), а остальная часть предложения переводится на уровне словосочетаний. Ср., например, следующий случай:

The terrestrial globe is a member of the solar system.

Земной шар входит в солнечную систему.

Здесь на уровне слов устанавливаются следующие соответствия: terrestrial — *земной*; globe — *шар*; solar — *солнечную*; system — *систему*. Конструкция же is a member of переводится на уровне словосочетания — *входит в*. Можно привести немало аналогичных примеров.

5. Перевод на уровне предложений (sentence level).

В ряде случаев оказывается, что словосочетания не могут быть единицами перевода и что соответствия могут быть установлены только на уровне предложений. Ср. следующие случаи:

Every dark cloud has a silver lining.

Нет худа без добра.

Birds of a feather flock together.
Рыбак рыбака видит издалека.

По своему значению эти английские предложения (пословицы) являются идиоматическими, то есть их значение не равно сумме значений входящих в них слов и словосочетаний. Поэтому при переводе единицей перевода выступает все предложение в целом — значение соответствующего русского предложения совпадает в целом со значением исходного английского предложения, но внутри самих этих предложений соответствий между словами или словосочетаниями установить нельзя. Ср. также англ. *Many happy returns of the day* — русск. *Поздравляю с днем рождения*; англ. *There's a good boy* — русск. *Вот умница* (или *Вот паинька*) и т. д.

Перевод на уровне предложений встречается не только в случае идиоматических предложений или устойчивых формул. В ряде случаев единицами перевода могут оказаться и вполне неидиоматические (с точки зрения самого ИЯ) английские предложения. Ср., например, следующие случаи:

Do not imaginè such a vain thing.

Не будьте так наивны.

Will you leave a message?

Что ему передать?

He was not advanced in aesthetic taste.

Он мало смыслил в искусстве.

6. Перевод на уровне текста (text level). Наконец, имеют место случаи, когда даже предложения не могут выступать в качестве единиц перевода и когда единицей перевода оказывается весь переводимый текст в целом, то есть целая группа самостоятельных предложений. Такое явление при переводе прозы является, видимо, редким исключением; однако, оно является вполне обычным при переводе поэзии. Приведем только один пример — перевод С. Я. Маршаком двух последних стрóf 74 сонета Шекспира:

So then thou hast but lost the dregs of life,

The prey of worms, my body being dead;

The coward conquest of a wretch's knife,

Too base of thee to be remembered.

The worth of that is that which it contains,

And that is this, and this with thee remains.

С тобою будет лучшее во мне,
А смерть возьмет от жизни быстротечной
Осадок, остающийся на дне,
То, что похитить мог бродяга встречный.
Ей — черепки разбитого ковша,
Тебе — мое вино, моя душа.

Нетрудно заметить, что здесь между исходным текстом и текстом перевода нельзя установить соответствий на уровне отдельных слов (за исключением разве соответствий *dregs* — *осадок* и *life* — *жизни*), ни на уровне словосочетаний, ни даже на уровне предложений, ибо ни одно предложение русского текста, взятое изолированно, не может считаться соответствием какого-либо из предложений английского текста. Единицей перевода здесь является весь переводимый текст в целом: несмотря на отсутствие соответствий между частями, русское стихотворение в целом соответствует исходному английскому, т. к. оба передают одну и ту же смысловую и художественно-эстетическую информацию. Это и есть то, что мы называем переводом на уровне текста.

Итак, мы видим, что единицами перевода могут быть, по сути дела, единицы любого языкового уровня — от фонемы до текста в целом. При этом, особенно важно подчеркнуть, что на протяжении одного и того же текста уровень перевода, как правило, постоянно меняется — единицей перевода оказывается то слово, то словосочетание, то предложение и т. д. Одна из основных трудностей перевода заключается именно в умении в каждом конкретном случае отыскать единицу перевода, которая может находиться на любом уровне языковой иерархии.

Исходя из всего сказанного выше, дадим теперь определение понятиям *адекватного, буквального и вольного перевода*.

а) **Адекватным переводом** (*adequate translation*) называется перевод, осуществляемый на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ.

Все приведенные выше примеры перевода на различных уровнях были в то же время примерами адекватного перевода — единица перевода была во всех этих случаях выбрана на уровне, необходимом и достаточном для того, чтобы точно и полно передать всю информацию, заключенную в тексте подлинника, при условии строгого соблюдения лексических, грамматических и стилистических норм переводящего языка.

б) Буквальным переводом (literal translation) называется перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ.

Так, например, если английское словосочетание *take part* перевести на русский язык как *брать часть*, то это будет буквализм — данный перевод осуществляется на уровне слов, в то время, как для правильной передачи значения английского *take part* при условии соблюдения норм русского языка требуется перевод на более высоком уровне, а именно, на уровне словосочетания — *принимать участие* или *участвовать*. Точно также, если английское предложение *Do not imagine such a vain thing* перевести на русский язык как *Не воображайте таких глупостей*, то это также будет буквальным переводом — единицами перевода здесь являются отчасти слова (*do not imagine* — *не воображайте*, *such* — *таких*), отчасти словосочетания (*a vain thing* — *глупостей*), в то время как для правильной передачи смысла английского предложения и соблюдения норм русского языка здесь необходим перевод на уровне всего предложения в целом: *Не будьте так наивны*.

Следует со всей решительностью подчеркнуть, что буквальный перевод совершенно недопустим, ибо, как вытекает из его определения, при буквальном переводе либо искажается передаваемая исходным текстом информация, либо нарушаются нормы ПЯ, либо, наконец, имеет место и то, и другое. Приведем еще несколько примеров.

I have quite a few friends.

У меня совсем немного друзей.

Здесь английское выражение *quite a few* переведено на уровне слов *совсем немного*, что искажает смысл. Для правильной передачи смысла требуется перевод на уровне словосочетания *У меня не мало друзей*, что и будет адекватным переводом данного английского предложения.

He is a regular ass.

Он регулярный осел.

Здесь перевод осуществлен также на уровне слов, что приводит к нарушению лексических норм русского языка (русское *регулярный* не может сочетаться со словом *осел*; возможны только сочетания типа *регулярное посещение*

занятий, регулярная армия и пр.² Адекватный перевод должен осуществляться на уровне словосочетания. Он **круглый дурак**.

Sooner or later the weather will change.

Раньше или позже погода изменится.

Здесь английское выражение *sooner or later* переведено на уровне морфем (ср. *soon-er* — *рань-ше*, *lat-er* — *позже*, то есть передаются не только корневые морфемы, но и морфема сравнительной степени). В данном случае результатом является нарушение грамматических норм русского языка. Адекватным здесь будет перевод на уровне слов: **Рано или поздно погода изменится.**

в) Вольным переводом (*free translation*) называется перевод, осуществляемый на более высоком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ.

Приведем следующий пример вольного перевода. В рассказе С. Моэма "Before the Party" имеется такое предложение: "... if a client went to him with some trouble that was not quite nice, Mr. Skinner would look grave". Переводчица Е. Калашникова перевела это предложение так: ... если клиент излагал ему обстоятельства, которые могли показаться неблагоприятными, **мистер Скиннер озабоченно сдвигал брови**. Английское выражение *would look grave* вполне можно было перевести на уровне словосочетания — *хмурился*. Переводчица, однако, здесь дает соответствие на уровне предложения — *мистер Скиннер озабоченно сдвигал брови*³. Необходимости в этом нет, поскольку перевод на уровне словосочетания (*хмурился*) был бы вполне адекватным; стало быть, здесь мы имеем пример вольного перевода.

---

² См. И. А. К а ш к и н. Ложный принцип и неприемлемые результаты. «Иностр. языки в школе», № 2, 1952 г., где приведено много других примеров буквализмов.

³ Можно, правда, возразить, что и в переводе Е. Калашниковой единицей перевода остается все же словосочетание *would look grave*. Однако, поскольку *озабоченно сдвигал брови* не является словарным соответствием английского *look grave* и вообще имеет совершенно иное значение, то фактически оказывается, что смысловое соответствие между исходным и русским текстами можно здесь установить только на уровне всего предложения в целом — невозможно усматривать тождество значений между *look grave* и *сдвигать брови*, но можно говорить о тождестве ситуаций, описываемых в английском и в русском предложениях.

Другой пример: в одном из романов Диккенса встречается предложение *I kissed her*. Это предложение может быть вполне адекватно переведено на уровне слов — *Я поцеловал ее*. Однако, переводчик прошлого века Иринарх Введенский, вообще отличавшийся пристрастием к вольным переводам, в данном случае дает следующее соответствие: *Я запечатлел поцелуй на ее вишневых губах*. Здесь Введенский, как мы видим, переводит не на уровне слов, а на уровне всего предложения в целом, т. е. дает вольный перевод.

Нетрудно заметить, что вольный перевод, в целом, все же более приемлем, чем перевод буквальный, ибо при вольном переводе не имеют место, как правило, ни смысловые искажения, ни нарушения норм ПЯ. Недостатком вольного перевода является прежде всего то, что при нем обычно передается не смысловое содержание исходного предложения, но описывается тождественная ситуация, причем там, где в этом нет необходимости. В некоторых случаях, как например, в приведенном выше примере из переводов И. Введенского, вольный перевод ведет также к замене стилистической окраски подлинника, что нарушает полную адекватность исходного текста и текста перевода (передается лишь предметно-логическая, но не эмоционально-художественная информация, заключенная в тексте подлинника).

Впрочем, тезис о предпочтительности вольного перевода буквальному не является абсолютным, ибо следует также учитывать жанровую характеристику подлинника — если при переводе текстов художественной литературы вольный перевод вполне допустим и встречается нередко, то при переводе текстов юридического или официально-дипломатического характера вольный перевод совершенно недопустим — здесь скорее предпочтителен буквальный перевод, нежели вольный.

З. Роганова
(Москва)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВЫБОРА ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

При переводе мы исходим из единства человеческого мышления и возможности передачи одного и того же мыслимого содержания разными средствами. В любом языке различные по содержанию мысли нередко облачаются в одина-

ковую форму, и, наоборот, одинаковые мысли получают разное языковое выражение. В сопоставляемых языках в силу их национальной самобытности способы выражения одной и той же мысли отличаются еще большим разнообразием.

В процессе перевода при передаче исходного текста происходит переключение на другую языковую систему, иную систему знаков. Поскольку форма при одинаковом мыслимом содержании совпадает редко, это переключение осуществляется обычно не по формальному признаку.

Форма является вторичным, она передается как носитель определенного содержания и выразитель той или иной стилистической функции. Так, в примере:

- Тебе нехорошо? — **Да**, мне нехорошо.
— Ist dir nicht wohl? — **Nein**, mir ist nicht wohl.

слову *да* в переводе соответствует *nein*.

Раскрыв содержание, выраженное конкретной языковой формой, определив понятийно-стилистическую функцию компонентов оригинала, переводящий в случае полного совпадения элементов сопоставляемых языков может использовать тождественные формы:

Er war schmal in den Schultern ... (E. C l a u d i u s. „Grüne Oliven und nackte Berge“ S. 27).

Он был узок в плечах ...*

Однако и в подобных случаях сохранение формы не является самоцелью. По условиям контекста иногда лучше использовать другие языковые средства:

Einer lachte auf. Dann lachten alle ...
(E. C l a u d i u s. „Grüne Oliven und nackte Berge.“ S. 9)

Кто-то засмеялся. И засмеялись все ...*

При расхождении соответственных языковых форм мы вынуждены подбирать равноценные языковые средства, эквивалентные по своему мыслимому содержанию и стилистической функции. При этом деление этих средств на лексические, грамматические и др. отступает на задний план.

Функционально синонимичными могут быть любые языковые средства, независимо от их соотносительности с той или

---

* Автор приводит свои собственные переводы под звездочкой.

иной языковой категорией. Такие синонимические средства в системе того или иного языка можно рассматривать как лингвосинонимы.

Приведем следующий пример:

Автомобиль при торможении движётся равномерно-замедленно с ускорением — $0,5 \text{ м/сек}^2$ и останавливается через 20 сек. от **начала торможения**. Какую скорость имел автомобиль в момент **начала торможения**? (П. А. З н а м е н с к и й и др., Сборник задач и упражнений по физике, стр. 8)

Ein Kraftfahrzeug bewegt sich mit einer gleichmäßigen Verzögerung von $0,5 \text{ m/s}^2$. Es bleibt 20 s nach **dem Bremsbeginn** stehen. Welche Geschwindigkeit hatte das Fahrzeug, als es **zu bremsen begann**? („Aufgabensammlung. Physik“, S. 47)

Одно и то же сочетание слов, выделенное нами в оригинале, переводится разными синонимичными языковыми средствами.

Вследствие наличия лингвосинонимии лексические средства исходного текста могут передаваться грамматическими, выполняющими в данном случае функцию заменителей лексических средств:

На тело массой 200 г. действует постоянная сила, сообщающая ему в течение 5 сек. скорость 1 м/сек . Определить величину **действующей силы**. (П. А. З н а м е н с к и й и др., Сборник задач и упражнений по физике, стр. 12)

Auf einen Körper mit der Masse 200 g wirkt eine konstante Kraft, die ihm im Laufe von 5 s die Geschwindigkeit $1 \text{ m} \cdot \text{s}^{-1}$ erteilt. Wie groß ist **die Kraft**? („Aufgabensammlung. Physik“, S. 51).

Артикль **die** заменяет определение к существительному Kraft. Рассмотрим следующий пример:

—Was war eigentlich geschehen?

—Das **liebgewordene** Zimmer gab ihm nicht die Ruhe, die er zu finden gehofft hatte ... (A. K u r e l l a „Kleiner Stein im großen Spiel“, S. 12)

—Что же, собственно, произошло?

—Комната, которую он любил, не дала ему желанного покоя ... (А. Курелла. «Пешка в большой игре», стр. 10)

Слову-определению исходного текста (*liebgewordene*) близко по функции определительное придаточное предложение, выделенное нами в русском переводе.

Грамматические средства в свою очередь могут передаваться их лексическими заменителями:

Vorhin? Eine Stunde nur war vergangen?
(А. Курелла, „Kleiner Stein im großen Spiel“, S. 12)

Недавно? Всего лишь час назад?

Функцию плюсквамперфекта в переводе выполняет слово *назад*.

Aber allmählich gelang es ihr, klarer zu werden. (Е. М. Ремарк. „Drei Kameraden“, S. 19)

Но постепенно ей все же удалось несколько прийти в себя. (Э. М. Ремарк. «Три товарища», стр. 456)

Немецкому сочетанию *klar werden* соответствует *прийти в себя*. Для передачи значения сравнительной степени прилагательного *klarer* использовано лексическое средство, то есть введено слово *несколько*.

Синтаксической единице, предложению, в переводе может соответствовать одно слово:

„Ja, ich habe gelesen, in meinem Lieblingsbuch“,
—er betonte das „meinem“.

„Lies mir was vor, willst du?“ sagte sie.
(А. Курелла. „Kleiner Stein im großen Spiel“, S. 40)

— Да, я читал любимую свою книгу, — он сделал ударение на «свою».

— Почитай мне вслух, хорошо? — сказала она.

Предложение *willst du* и *хорошо* являются функционально равноценными.

Между лексическими и грамматическими элементами существует тесная связь. В определенных случаях при переводе используется лексико-грамматический комплекс, оба

средства употребляются одновременно, дополняя одно другое:

„Ausgezeichnet ist der Braten.“ (A. K u-
r e l l a, „Kleiner Stein im großen Spiel“, S. 61)
— Жаркое просто великолепно.

Экспрессивность оригинала, выраженная необычным порядком слов, передана другими средствами, введением слова *просто* и употреблением краткой формы прилагательного *великолепно*.

Приведем в качестве иллюстрации пример перевода с русского на немецкий.

«Этот вопрос интересует и будет интересовать мир, до тех пор пока социальные причины войн не будут навсегда устранены». (Л. А. Б е з ы-
м е н с к и й. «Германские генералы—с Гитлером и без него», стр. 61)

Diese Frage interessiert die Welt **jetzt und in Zukunft**, so lange, bis die sozialen Ursachen der Kriege für alle Zeiten beseitigt sind. (L. B e s y-
m e n s k i. „Generale ohne Maske“, S. 88).

Временные значения выражаются лексическими и грамматическими средствами, презенсом и словами *jetzt* и *in Zukunft*.

Поскольку общее, абстрактное проявляется в частном, конкретном и иначе проявляться не может, конкретное, лексическое значение языковых единиц оказывает определенное влияние на функционирование грамматической формы.

Вследствие неполного охвата лексического материала формообразованием и его несовпадения в разных языках в определенных случаях приходится отказываться от использования того или иного грамматического средства.

Так, выбирая форму числа, приходится учитывать ограничение подобного формообразования:

... und drei Ballett**musiken** („Schwanensee“, „Dornröschen“, „Nußknacker“) ... (M e y e r. Neues Lexikon, Bd. 8, S. 170)

... и **музыка** к трем балетам («Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик»).

Поскольку слово *музыка* не имеет парадигмы множественного числа, в переводе употребляется единственное.

Сохранить множественное число в переводе иногда возможно благодаря выбору соответствующей лексической единицы:

Auf der anderen Seite aber sah man den Schutzpatron Spaniens den Apostel Jakob, Santiago, er saß zu Pferde, das Schwert erhoben, so wie er oftmals in **den Lüften** den christlichen Heeren geholfen hatte, die Ungläubigen zu zerschmettern. (L. Feuchtwanger. „Die Jüdin von Toledo“, S. 66)

На другой стороне монеты был изображен покровитель Испании апостол Иаков, Сантьяго, верхом на коне с поднятым мечом, такой, каким он не раз являлся в **небесах** христианским войствам, помогая им крушить неверных. (Л. Фейхтвангер. «Испанская баллада», стр. 60)

Множественное число in den Lüften переводится в *небесах*.

Если, например, переводимому немецкому глаголу в русском языке лексически эквивалентен глагол, употребляющийся только в форме совершенного вида, то презенс приходится передавать прошедшим временем:

— Siehst du, er **vergaloppiert sich**.

— Видишь, он **запапоровался**.*

Рассмотрим следующий пример:

Dann knallt's wieder.

Der droben **bricht zusammen** liegt jetzt wie gekreuzigt auf der weißen Fläche, beide Arme weit ausgebreitet, reglos. (F. Erpenbeck. „Emigranten“, S. 5)

Затем снова гремит выстрел.

Человек наверху **рухнул наземь**, он лежит теперь на белом снегу неподвижно, широко раскинув руки, как распятый.*

Выбирая в качестве лексического соответствия немецкому глаголу *zusammenbrechen* вариант *рухнуть наземь*, приходится, принимая во внимание отсутствие парадигмы настоящего времени глагола *рухнуть*, использовать для передачи *praesens historicum* прошедшее время совершенного вида или же выбирать другое лексическое соответствие, например, *падает как подкошенный*. Однако в данном слу-

чае вариант *рухнул наземь*, как более экспрессивный, точнее передает замысел автора.

Из-за семантического содержания лексических единиц может меняться грамматическая форма:

Bis sie abgerissen und eine neue gefunden war, hatte er schon zuviel Gas geschluckt und **brach** bereits Blut. (E. M. R e m a r q u e. „Drei Kameraden“, S. 22.)

Пока он срывал ее и нашел другую, он нагло-тался газа, и его **рвало** кровью.*

Наличие определенных лексических элементов в исходном тексте может обусловить выбор грамматической формы.

Немецкие глаголы с приставками *er-, auf-, an-*; *los-* и др., типа *erklingen, aufleuchten, loslaufen*, часто связанные со значением инхотивности, в определенном контексте, содержащем лексические средства, подчеркивающие само протекание действия, обозначают глагольное действие вне связи с его возникновением или завершением. В этих случаях употребление формы совершенного вида невозможно:

Immer noch ertönte gedämpft der Phonograph in Ströbels Bibliothek. (B. K e l l e r m a n. „Der 9 November“, S. 312).

В штрельской библиотеке **все еще** приглушенно **звучал** фонограф. (Б. К е л л е р м а н. «Девятое ноября», стр 233).

Рассмотрим следующий пример.

„Ich bitte Sie im Namen **aller** gepeinigten **Kreatur**.“ (L. F e u c h t w a n g e r. „Narrenweisheit“, S. 30)

«Прошу вас от имени всех гонимых **созданий**».*

Наличие в оригинале слова *aller* заставляет нас в соответствии с нормами русского языка передать единственное число существительного *die Kreatur* множественным.

Необходимость точного раскрытия лексического содержания заставляет переводчика выбирать определенные грамматические формы и средства.

Так, при переводе с немецкого на русский язык выбор полной или краткой формы прилагательного, входящего в состав именного сказуемого, может определяться лексическим значением соответствующего прилагательного:

„Du bist schön und gut.“ (H. M a n n. „Die Jugend des Königs Henri Quatre“, S. 94)

— Ты хороша и добра (*а не Ты хорошая и добрая*).

Для достижения точного перевода, полного раскрытия лексического значения в определенных случаях меняется структура предложения, в частности при переводе на русский язык вводится деепричастие:

„Jesus Christus“ — **stammelte** Mathilde und starrte mich aus roten Augen an. (E. M. R e m a r q u e. „Drei Kameraden“, S. 19)

— Иисусе Христе, — **заикаясь пробормотала** Матильда и уставилась на меня покрасневшими глазами (Э. М. Р е м а р к. «На западном фронте без перемен. Возвращение. Три товарища», стр. 455.)

Матильда Штосс, которую автор сравнивает с бегемотом, не могла *пролететь* эти слова. Введение деепричастия *заикаясь* позволяет точно передать понятийно-стилистическую функцию глагола *stammelte*.

Закономерно использование деепричастия при переводе приставочных глаголов типа *umher-taumeln*, *hinaufkeuchen* и др.:

In dem halbdunklen Raum **taumelte** ein Gespenst **umher**. (E. M. R e m a r q u e. „Drei Kameraden“, S. 19)

В полутемном помещении, **спотыкаясь, бродило** привидение. (Э. М. Р е м а р к. «На западном фронте без перемен. Возвращение. Три товарища», стр. 455)

An der Grenze ist es still—aber es **wird** nicht geschlafen. („Junge Welt“. Der 23/24. Dezember 1961, S. 3)

На границе тихо, но люди не **спят**..

Вариант «На границе тихо, но не спится» связан уже с другим содержанием.

Закономерно, например, изменение структуры после определенных глаголов. Так, при переводе оборота *im... zu* + Infinitiv союз *чтобы* может опускаться, если данный инфинитивный оборот употребляется с глаголами движения:

An einem der ersten Abende **kam** meine Mutter in die Kaserne, **um** mich **zu besuchen** ... (E. M. R e m a r q u e. „Drei Kameraden“, S. 21)

В один из первых вечеров моя мать **пришла** в казарму **навесить** меня (Э. М. Р е м а р к. «На западном фронте без перемен. Возвращение. Три товарища», стр. 457)

Структура меняется также в определенных случаях при использовании в немецком оригинале глаголов *wissen, glauben*:

Klaus beschloß, einfach zu Weinholder zu gehen. Dort **wußte** er sich immer **willkommen**. (М. Р е и н-hardt. „Der Tag im Nebel“, S. 101)

Клаус решил пойти прямо к Вайнхольдеру. Он знал, что там ему всегда рады.

Er **wußte** ihn in Berlin.

Он знал, что он в Берлине.

Er **wußte** Mama gut **betreut**. (V. М а н н. „Wir waren fünf“, S. 188)

Он знал, что о маме заботятся. Или: Он знал, что мама окружена заботой.*

Doch jetzt **glaubt** er sich in einem Irrenhaus ... (F. W o l f. „Menetekel“, S. 21)

Однако теперь ему кажется, что он в сумасшедшем доме...*

С лексическим значением может быть связана синонимичность разных грамматических форм. Так, в определенных случаях плюсквамперфект выступает в роли синонима претерита, и, наоборот, претерит используется вместо плюсквамперфекта, хотя функции этих временных форм обычно четко дифференцированы.

В подобных случаях речь идет о плюсквамперфекте предельных глаголов, которые, выражая достижение результата завершенного действия, семантически, логически связаны с глаголами в претерите, обозначающими существование этого результата, качества во времени.

Проиллюстрируем это следующим примером:

Некоторые революционные народники, хотя и не понимали исторической роли пролетариата, первыми в истории освободительного движения России начали вести работу среди фабрично-заводских рабочих. («История Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат, 1960, стр. 15)

„Einige revolutionäre Volkstümpler begannen, obwohl sie die historische Rolle des Proletariats

nicht **erkannt hatten**, erstmals in der Geschichte der Befreiungsbewegung Rußlands unter den Industriearbeitern zu wirken". („Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion", S. 21)

Для перевода глагола прошедшего времени несовершенного вида *понимали*, не обозначающего предшествующего действия в прошлом, используется плюсквамперфект *erkannt hatten* как грамматический синоним претерита глагола *begreifen*. В переводе претерит может быть употреблен вместо плюсквамперфекта в тех случаях, когда претерит обозначает действие, мыслимое как результат другого завершенного прошедшего действия:

Гости разошлись, почти все в доме **заснули**.
Артамонов сидел в саду с Петром и Никитой ...
(М. Горький. «Дело Артамоновых», стр. 23).

Die Gäste waren gegangen, fast alle im Hause **schliefen**. Artamonow saß mit Pjotr und Nikita im Garten ... (М. Горький. „Das Werk der Artamonows, S. 36).

При переводе важно учитывать многозначность грамматических форм, которая позволяет им выступать в роли грамматических синонимов. Сопоставление функций, анализ употребления различных грамматических форм и конструкций позволяет установить не только факт грамматической синонимии, но при определенных условиях и в определенных пределах синонимичность, взаимозаменяемость полярных грамматических категорий, как, например, вид совершенный и несовершенный, страдательный залог и действительный, единственное число и множественное, личная конструкция и безличная и т. д.

Auf dem Bettrand **sitzend**, hörte Richard zu.
Er freute sich heimlich über die Ablenkung. Reuter berichtete über Deutschland. (А. Курелла. „Kleiner Stein im großen Spiel", S. 14)

Сидя на краешке кровати, Рихард слушал, безотчетно радуясь, что отвлекся от своих мрачных мыслей. Агентство Рейтер сообщало о Германии.
(А. Курелла. «Пешка в большой игре», стр. 10).

Вместо деепричастия несовершенного вида глагола *сидеть* можно использовать деепричастие совершенного вида глагола *присесть*:

Присев на краешек кровати, Рихард слушал, безотчетно радуясь, что отвлекся от своих мрачных мыслей.*

Das Wetter wurde warm und feucht... (Е. М. Ремарк, „Drei Kameraden“, S. 58)

Погода стала теплой и сырой ...* Или: Потеплело и стало сыро ...*

Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. При переводе мы исходим из единства человеческого мышления и возможности передачи одного и того же содержания разными языковыми средствами.

2. При формальном несовпадении единиц сопоставляемых языков переводчик выбирает эквивалентные по своему мыслимому содержанию и стилистической функции языковые средства.

3. Функционально синонимичными могут быть любые языковые средства, независимо от их соотношенности с той или иной языковой категорией, их мы рассматриваем как лингвосинонимы.

4. Между лексическими и грамматическими элементами существует тесная связь. В определенных случаях необходимо использовать лексико-грамматический комплекс.

5. Лексическое значение языковых единиц оказывает влияние на функционирование грамматической формы.

6. Вследствие неполного охвата лексического материала формообразованием и его несовпадения в разных языках в определенных случаях невозможно использование той или иной формы или конструкции.

7. Наличие определенных лексических элементов в исходном тексте может обусловить выбор грамматической формы.

8. Необходимость точной передачи лексического содержания единиц исходного текста заставляет переводчика выбирать определенные грамматические средства и формы.

9. С лексическим значением может быть связана синонимичность грамматических форм, функции которых обычно дифференцируются.

10. С лексическим значением может быть связана синонимичность, взаимозаменяемость полярных грамматических форм и категорий.

II. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Ю. Волков
(Москва)

ПРОБЛЕМА СТИЛЯ В ПЕРЕВОДЕ

(замечания к переводу новеллы Верги «Возлюбленная Граминьи»¹)

В статье рассматривается значение стиля при переводе с целью показать, что ряд неточностей в переводе обусловлен недооценкой стиля писателя.

Обращает на себя внимание то, что авторы перевода новеллы «Возлюбленная Граминьи» (Э. Егерман и А. Ясная) соединили разностильные тексты в одном переводе: текст новеллы взят из издания 1880 г., текст вступления — из издания 1897 г., существенно переработанного Вергой. Такой синтез представляется более чем спорным, хотя в то же время облегчает нашу задачу, так как в нем нагляднее выявляются особенности стиля Верги.

В статье «Джованни Верга и художественный перевод»² Р. А. Будагов указывает на специфику художественного стиля Верги. Он называет стиль Верги «правдивым бытописанием», отражая тем самым также и сущность метода писателя, что очень важно подчеркнуть, ибо от различного подхода к методу и стилю Верги возникло множество разноречивых суждений в итальянской критике о характере творчества писателя³.

Особенность стиля Верги в органическом сплаве литературного языка и сицилийского диалекта, и, естественно,

---

¹ Джованни Верга. Новеллы. М., Гослитиздат, 1957.

² «Историко-филологические исследования». Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада, М., «Наука», 1967.

³ Разноречивость в оценке творчества Верги проистекает из-за отсутствия единого мнения на метод писателя: Вергу называют веристом и реалистом, «провинциальным» и «универсальным», причем, все эти определения носят альтернативный, взаимно исключающий

это вызывает известные трудности при переводе, тем более, что Верга не просто имитирует диалектную речь, а «сохраняет ритм диалектной речи», «диалектизмы в собственном смысле» редки; он воссоздает ритмический и интонационный строй народной речи.

Э. Род, один из крупнейших переводчиков Верги⁴, стремился найти в просторечном французском языке необходимые эквивалентные соотношения, но в полной мере ему не удалось, как пишет Будагов, «сохранить соотношение между двумя языками» ввиду того, что «различия между итальянскими диалектами обозначены гораздо рельефнее, чем различия между диалектами Франции»⁵. Э. Роду приходилось «прибегать к просторечным интонациям там, где у Верги оказывались чисто диалектные элементы». При этом переводчику сначала нужно было перевести элементы сицилийского диалекта на итальянский язык и только после этого — на родной, французский. Верга в письмах к Роду обращал внимание на сложность двойного перевода «бытового произведения, насыщенного реалиями из простой жизни рыбацкого поселка» («Семья Малаволья»). Его беспокоило, чтобы не была искажена «правдивая нота» повествования, и он подробно комментирует трудные места.

Будагов выделяет три типа комментариев Верги по поводу перевода Родом романа «Семья Малаволья». Первый тип — толкование реалий, второй — толкование идиоматических или фразеологических выражений, третий — объяснение возможных смещений особенностей двух родственных языков. Последний тип комментариев нас не интересует, поскольку мы берем русский перевод.

характер. См. A. S e r o n i. Verga. Palumbo, 1966; L. R u s s o. Verga romanziere e novelliere. Ed. Radio Italiana, Torino, 1959; G. M a r z o t. Preverismo, Verga e la generazione verghiana. Cappe-lli, 1965; G. S a n t a n g e l o. Storia della critica verghiana. La nuova Italia. Firenze, 1962.

⁴ Швейцарский писатель; между Вергой и Родом была обширная переписка в связи с переводом последним на французский язык романа «Семья Малаволья»; первое издание 1887 г., второе — 1899 г.

⁵ Здесь нужно иметь в виду также сильное отличие сицилийского диалекта не только от литературного итальянского языка, но и от других диалектов Италии. Во Франции же из-за раннего образования национального литературного языка проблема языкового «дуализма» не стояла так остро, как в Италии. (См. об исторических условиях возникновения национального итальянского языка — В. В. В и н о г р а д о в. Проблемы литературных языков и закономерности их развития. М., «Наука», 1967).

Будагов приводит несколько примеров из комментариев Верги, из которых видно, какие трудности, по мнению Верги, могли возникнуть при переводе. Например, реалию *Giufà* Верга поясняет так: «персонаж в легендах Сицилии, обычно обозначающий глупого человека»⁶; словосочетание *fare delle spagnolette* поясняется: «скручивать цыгарку»; слово *sannisce*—«куски тростника, из которого делают клетки»; выражение *alare una ragomella*—«вытягивать из моря определенное приспособление, точное название которого во французском лексиконе мне не известно». При этом Верга дает сноску на двуязычный Морской словарь. Будагов отмечает, что Верга в письмах к Роду неоднократно высказывался о трудностях художественного перевода и считал, что переводчику необходимо хорошо чувствовать язык и стиль оригинала.

В данной статье не будет рассматриваться перевод реалий и сицилизмов, их в новелле «Возлюбленная Граминьи» немного, и они сравнительно легко поддаются переводу, от этого удерживает также и то обстоятельство, что во втором варианте Верга основательно очистил текст от излишних просторечных выражений и слов.

Рассмотрим неточности лексического, синтаксического и стилистического порядка, допущенные в переводе.

Нам представляется неточным перевод Э. Егерманом слова *fatale* как «фатальный» во вступлении к новелле («Мы охотно жертвуем эффектом неожиданной трагической развязки ради изображения последовательного, закономерного развития страстей и событий, ведущих к развязке,— от этого она становится, может быть, менее неожиданной и драматичной, но продолжает оставаться столь же *фатальной*»)⁷. На наш взгляд, здесь не учтены особенности мировоззрения писателя и его художественного метода. Точнее будет перевести слово *fatale* как «неизбежный». В русском языке слово «неизбежный» отличается четким смысловым значением в сравнении со словом «фатальный» — роковой, с оттенком неизвестности и таинственности. Учитывая позитивистские устремления Верги и кружка веристов «научно-беспристрастно» отражать действительность, вряд ли можно согласиться с мистическим «фатальный».

---

⁶ Будагов дает ссылку на G. V e r g a. *Lettere al suo traduttore*. A cura di F. Chiappelli. Firenze, 1954, стр. 44, 46, 47.

⁷ Джованни В е р г а. Новеллы. М., Гослитиздат, 1957 г. стр. 98.

Если к тому же обратить внимание на фразу, которая во вступлении у Верги следует сразу за словом *fatale* («У нас более умеренные притязания, если не сказать — более скромные. Однако надо думать, что раскрытие темных связей, существующих между причиной и следствием, окажет немалую услугу искусству будущего»), то станет очевидным, что у Верги речь идет о сравнении двух художественных методов: метода романтизма и метода веризма («*Sacrifichiamo volentieri l'effetto della catastrofe. Allo sviluppo logico, necessario delle passioni e dei fatti verso la catastrofe resa meno drammatica forse, ma non meno fatale*»⁸). Следовательно, слово «*fatale*» относится к развязке художественного произведения. Верга имеет в виду обязательное наличие в художественном произведении конфликта и развязки, которая в веристском произведении так же неизбежна, как и в романтическом, только по-разному изображается. Поэтому мысль писателя будет выражена точнее, если из синонимического ряда «фатальный, роковой, гибельный, неизбежный, неотвратимый» мы возьмем слово «неизбежный».

Рассмотрим перевод говорящего имени «Граминья». А. Ясная калькировала на русский язык итальянское «*Gramigna*». Калька, на наш взгляд, затушевывает важный семантический момент⁹, заключенный в сравнении имени Граминьи с сорняком (*la mala pianta minacciava di abbarbicare* — сорняк угрожал прижиться). Здесь возникает аналогия помимо даже, может быть, желания самого писателя. «Сорняк» — это метафорическое обозначение социального явления, весьма распространенного в то время в Сицилии: единичное (редко коллективное) вооруженное сопротивление властям, официально — бандитизм¹⁰. Провести такую аналогию побуждает прежде всего источник, послуживший основой для сюжета новеллы: прототипом Граминьи (Райи)

---

⁸ Giovanni Verga. *Tutte le novelle*. I vol. Mondadori, 1957, p. 168.

⁹ Не компенсирует потери сделанная А. Ясной сноска: «В переводе: *пырей*». Однако в пользу переводчика, поставившего, видимо, под сомнение вариант «Пырей» как эквивалент к «Граминье», говорит то, что слово «Граминья» не вполне соответствует названию травы, о которой идет речь в новелле. (См. А. N a v a r r i a. *Letture di poesia, nell'opera di Giovanni Verga*. Messina-Firenze. D'Anna, 1962, p. 89).

¹⁰ Корни его следует искать в выступлениях сицилийских крестьян против помещиков. Кстати, знаменитая «Мафия», орудие латифундистов и реакционной сицилийской буржуазии, раньше объединяла обездоленных крестьян, которым приходилось скрываться в горах и оружием защищать свое человеческое достоинство.

был крестьянин, который убил «пострадавшего» за то, что тот был нечестным и деспотом¹¹. У Верги образ Граминья имеет мало общего со своим прототипом¹².

В первом варианте (1880 г.) Верга изобразил крестьянина, убившего своего тирана и оскорбителя, бандитом, и только аналогия «Граминья—сорняк» и «безрассудство» его возлюбленной Пеппы, отказавшей красавцу-жениху и отдавшей предпочтение уроду-бандиту, заставляет читателя искать причину такой аттестации. Через 17 лет Верга «смягчился». Во втором варианте (1897 г.) Граминья ближе к своему прообразу. В этой трансформации отразилась эволюция мировоззрения и творческого метода писателя. Она выразилась в подчеркивании народности сюжета, его типичности, в выявлении народного сознания в поведении обоих персонажей, иными словами в более глубоком, типизированном, реалистическом раскрытии внутреннего содержания образов. Очень важны некоторые лексические замены, произведенные Вергой во втором варианте. На первый взгляд незаметной кажется роль глагола «multiplicarsi», поставленного Вергой вместо «abbarriccare». Однако, если учесть, что он придает сравнению «Граминья — сорняк» большую социальную остроту, так как теперь уже речь идет не о том, что сорняк приживется, а о том, что он «угрожал размножиться и распространиться», то станет ясным, что в «простом человеческом факте» Верга-художник увидел немалое социальное зло. Теперь уже и ирония по отношению к преследователям Граминья выступает у Верги не как добродушный смех над незадачливыми «синьорами из полиции», а как острый сарказм в адрес блюстителей порядка. (*I cavalli dei carabinieri cascavano stanchi morti; i compagni d'armi si buttavano rifiniti per terra, in tutte le stalle; le pattuglie dormivano all'impiedi; egli solo, Gramigna, non era stanco mai, non dormiva mai, combatteva sempre ... Per duecento miglia all'intorno, correva la leggenda delle sue gesta, del suo coraggio...*)¹³ Последняя фраза, ес

---

¹¹ Сюжет подсказан Верге Л. Капуаной. См. А. Наваррия, указ. соч., стр. 92—93.

¹² На известное противоречие здесь указывает А. Наваррия. Верга противоречит себе, утверждая во вступлении, что речь идет о «простом человеческом факте», который он передает без какого-либо изменения «в том виде, в каком ... услышал его на проселочных дорогах, стараясь сохранить по возможности простоту и яркость выражений народного повествования». (См. вступление к новелле).

¹³ Giovanni Verga. Tutte le novelle. p. 169.

не было в 1 варианте, заставляет читателя, если и не симпатизировать «герою», то уж во всяком случае сочувствовать ему. И «безрассудный» поступок Пеппы уже не кажется вовсе безрассудным: пылкое воображение, проникнутое народным сознанием, подсказало ей решение и заставило разделить участь «бандита».

Содержательный момент, выраженный в стиле, метафорическом сравнении имени Граминьи с сорняком важен не только для понимания текстовых изменений, произведенных Вергой во втором варианте, но и для более глубокого понимания содержания новеллы.]

На примере переводов слова «*fatale*» и говорящего имени «*Gramigna*» мы рассмотрели значение коммуникативной или содержательной функции стиля в переводе. Приведем еще несколько примеров.

Графически и синтаксически вступление у Егермана оформлено так, что оно приобретает самодовлеющую роль и его с успехом можно предпослать любой новелле сборника «*Vita dei campi*»¹⁴.

Уже при сопоставлении оригинала и перевода выявляется весьма различное синтаксическое композиционное оформление. Назовем данное оформление условно синтаксическими композициями и сравним их:

1. У Верги вступление делится на три абзаца, у Егермана — на пять.

2. Верга начинает новеллу с красной строки как новый абзац, в переводе сделана отбивка.

Данное сопоставление показывает, что в переводе несколько изменена синтаксическая структура вступления, сообразно, конечно, с нормами русского синтаксиса, но в результате этого вступление приобрело более автономный характер, чем это есть в оригинале¹⁵. К этому, на наш взгляд, привело то, что переводчик «переоценил» теоретическое значение вступления. Нам представляется возможным объяснить написание вступления, притом в эпистолярно-речевой манере, следующим образом. В 1880 году, когда появился в свет сборник «*Vita dei campi*», Верга был известен как писатель романтического направления, в его романах

---

¹⁴ В первом издании новелла «Возлюбленная Граминья» открывала этот сборник. Во втором и последующих изданиях новелла вместе со вступлением печаталась уже где-то в середине сборника.

¹⁵ Абзацы как формальные компоненты стиля выступают здесь с определенной содержательной нагрузкой, придавая переводу большую «академическую» стройность в сравнении с оригиналом.

заметно проявлялось ставшее традиционным подражание «классическому» стилю Манцони. Новеллы из сборника «*Vita dei campi*» были написаны в веристской манере, и Верге нужно было объяснить читателям переход на принципиально новые художественные позиции, что он и сделал, попытавшись при этом в какой-то мере высказать свое отношение к методу «объективного», веристского отображения действительности в художественном произведении, в частности, в романе, изложив по сути дела в популярной форме теоретические взгляды Э. Золя и Л. Капуаны на художественное творчество.

Рассмотрим неточности, которые, на наш взгляд, допущены Егерманом в передаче синтаксической структуры вступления.

Второй абзац по смыслу не оправдан. Абзац явился следствием неточной стилистической интерпретации предшествующей фразы. «Предположительное» значение выражения «*veramente preferirai*» («очевидно предпочтешь») произвольно переведено обязательным, категорическим «убежден». Учитывая контекстуальное значение союза «и» (*e...tu*) и наречия «*veramente*», указывающих на субъективность высказывания Верги, вряд ли можно считать эквивалентными *veramente preferirai* — убежден (ср. фразы: «*Io te lo ripeterò ... e tu veramente preferirai*¹⁶ и «Этот рассказ я передам тебе ... Убежден...»)¹⁷. «Убежден» придает фразе смысл «заклЮчения»; следствием этого явилась постановка двоеточия после «фактами», двоеточие потребовало пояснения, поэтому следующая фраза не может быть развитием предыдущей (как у Верги) и она должна была приобрести самостоятельное значение и, естественно, переводчик выделил ее в абзац.

У Верги период не делится на два абзаца, так как он неделим по мысли: главной мыслью периода является идея о «простом человеческом факте» и заключением к ней служат слова «*basterà per tutti*» (ср. первый абзац у Верги с двумя у Егермана). В результате изменения переводчиком синтаксической структуры нарушен смысл высказывания Верги о методе веризма. В переводе рассуждение Верги о методе понимается как нечто аксиоматическое, в оригинале — как творческий поиск взыскательного к себе писателя, не допускающего категорического тона в отношении природы

---

¹⁶ Giovanni V e r g a. Tutte le novelle, pp. 167—168.

¹⁷ Джованни В е р г а. Новеллы, стр. 97.

художественного творчества. Таким образом, идея, получив у переводчика субъективированную форму, объективно оказалась отраженной неверно. Следуя своей логике понимания стиля Верги, переводчик делает еще один абзац («Но достигнем ли мы ...»). Здесь прежде всего нарушается ритмика повествования, присущая Верге своеобразная «кантиленность» в изложении мысли, вследствие этого нарушается стройность в рассуждении¹⁸.

Верга делает всего три абзаца, выделяя три мысли: о «простом человеческом факте», о художественном методе, о будущем романа. Очевидно, рассуждение о методе и романе понадобилось Верге для того, чтобы у читателя не сложилось мнения, что «новое» заключается в том, что он лишь натурализует повествование. Эта, вторая часть, нарушает, конечно, стройность синтаксической структуры вступления и новеллы, но не настолько, чтобы вступление воспринималось обособленно от новеллы, так, как это получилось в переводе: после вступления дана отбивка и сноска, указывающая имя переводчика. Отбивка как бы завершила неверную интерпретацию переводчиком стиля вступления¹⁹.

Рассмотрим три примера семантико-стилистического плана, в которых выявить роль стиля сложнее.

На наш взгляд, неверно интерпретируется Егерманом начало первой фразы вступления: «... *eccoti non un racconto, ma l'abbozzo d'un racconto. Esso almeno avrà il merito di essere brevissimo ...*», переведенной как «... вот тебе набросок рассказа — если не самый рассказ. Он по крайней мере будет отличаться предельной краткостью ...». У Верги четко противопоставлены «*racconto*» (рассказ) и «*abbozzo*» (набросок), что подчеркивается и противительными «*ma*» (но) и «*Esso almeno*» (Он по крайней мере), относящимся к «*abbozzo*». Данное противопоставление сделано сознательно, так как именно в том и состояла новизна новеллы, что вместо рассказа Верга предлагал читателю нечто вроде зарисовки, более или менее точно передающей стиль народной речи (*Io te lo ripeterò così come l'ho raccolto pei viottoli dei campi, pressa poco colle medesime parole semplici e pittoresche*

---

¹⁸ В целом ряде новелл у Верги «вступлением» служат органически введенные в ткань повествования рассуждения о морали, человеческой судьбе и т. д. Такая «дидактичность» восходит к традиции новеллистов Возрождения.

¹⁹ О функциональной роли знака см. В. В. Виноградов. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика, стр. 9—11; Ю. Степанов. Французская стилистика, стр. 326.

della narrazione popolare ...) Потому-то Верга ясно и говорит: «eccoti non un racconto, ma l'abbozzo d'un racconto» — «вот тебе не рассказ, а набросок рассказа»²⁰. В переводе же вследствие нарушения внутренней логики данной синтаксической конструкции смысловой акцент смещен: выходит так, что Верга будто сожалел о том, что у него не вышел рассказ и, чтобы компенсировать «неудачу», объясняет, что ... «он по крайней мере будет отличаться предельной краткостью». Смещение смыслового акцента закрепляется переводчиком передачей «Io te lo ripeterò così come ...» (букв.: Я тебе его перескажу в том виде ...) как «Этот рассказ я передам тебе в том виде ...» Слово рассказ окончательно устраняет мысль, которую Верга высказывает в рассуждении о новизне жанра веристской новеллы.

Недооценка стиливых особенностей привела к неточности в переводе начала новеллы. А. Ясная начинает новеллу так: «Много лет тому назад ...». Учитывая отбивку после вступления, такое имперфектное начало вполне возможно. Но в оригинале написано «Несколько лет тому назад» (Parecchi anni or sono) и, если к тому же учесть, что во вступлении Верга постоянно обращается к Фарина в настоящем времени и что в оригинале нет отбивки и, наконец, принять во внимание индивидуальность манеры писателя, то станет очевидным, что вступление и новелла «выдержаны» в одном временном ключе и представляют собой в известном смысле структурное единство: Верга переходит к новелле «без остановки», чтобы подчеркнуть основную идею о «простом человеческом факте» и его органическую связь с сюжетом новеллы. Вступление — пролог, после которого действие должно начинаться сразу. Это тоже стиль. Начало новеллы и вступление — это как бы два дополняющих друг друга элемента единой стилистико-семантической структуры, в рамках одной синтаксической фигуры.

Отмеченные неточности говорят о том, что переводчиками не были учтены некоторые особенности стиля Верги, в результате чего в известной мере нарушено семантикостилистическое единство художественного произведения (новеллы).

О недооценке стиля говорит также соединение в одном переводе искусственным путем вступления и новеллы, взя-

---

²⁰ См. об особенностях новеллы Верги во вступительной статье В. Г. Р е и з о в а (Итальянская новелла) к сб. «Итальянские новеллы» М.-Л., Гослитиздат, 1960, стр. XVII.

тых из двух разных изданий. Такое соединение помимо разрушения структуры произведения устраняет всякую возможность передать те особенности стиля Верги, которые в результате эволюции творчества писателя (напомним, что второе издание отделяют от первого семнадцать лет) нашли отражение во втором варианте новеллы, более зрелом, на наш взгляд, и более интересном. Данное утверждение отнюдь не является категоричным в отношении художественных достоинств обоих вариантов. Мы лишь хотим подчеркнуть, что необходимо учитывать в переводе не только стиль самого произведения, но и эволюцию стиля, поскольку она отражена в данном произведении и способствует более правильному пониманию его.

А. Дранов
(Москва)

МОНОЛОГ ГАМЛЕТА «БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ».
РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ XIX ВЕКА

Едва ли еще чье-нибудь творчество оказало такое могучее влияние на развитие литературы и культуры разных стран и народов, как творчество Шекспира.

Едва ли найдется в мировой литературе писатель, о котором написано и сказано больше, чем о Шекспире.

Таков настоящий гений. Он неисчерпаем. Каждое поколение стремилось сказать о нем свое слово. Каждое поколение хотело понять его глубже, чем предыдущее. В этом стремлении наше поколение далеко не первое и далеко не последнее. Это познание будет продолжаться до тех пор, пока существует литература.

Из всего необозримого богатства, созданного Шекспиром, внимание больше всего всегда привлекал «Гамлет». В том, что было написано об этой трагедии, больше всего было сказано об ее главном герое. А все, что за четыреста лет было сказано о датском принце, так или иначе, рано или поздно сходилась и концентрировалось вокруг его знаменитого монолога.

Почему из всех монологов Гамлета (а их около 20) именно этот стал настолько знаменит, что явился центром приложения сил многих переводчиков Шекспира, их экзаменом на мастерство и превратился в своего рода “a must to know”, став достоянием даже тех, кто никогда не знал или не пони-

мал Шекспира? Потому что, во-первых, этот монолог, как это бывает с лучшими оперными ариями, является абсолютно законченным и совершенным в своем роде маленьким произведением, написанным гениальной рукой и могущим существовать само по себе и восхищать проникших его бездонный смысл. Во-вторых, потому, — и это делает его действительно вершиной творчества Шекспира, шпилем, венчающим архитектурный ансамбль его трагедии, — что это монолог **центральный** и с точки зрения композиции, и с точки зрения сути образа, и, главное, с точки зрения смысла всей трагедии в целом. Это — квинтэссенция «Гамлета» как трагедии, Гамлета как образа, и, наконец, всего Шекспира как драматического гения.

Что такое этот монолог в немногих словах? Это вечная проблема борьбы добра со злом в ее преломлении в душе чуткой и возвышенной, тоскующей по утраченным идеалам, созданной любить, но вынужденной ненавидеть, раздвоенной и одинокой, мучимой непониманием и грубой беспощадностью текущей вокруг нее жизни. По словам Н. Россова, одного из первых критиков переводов «Гамлета», этот монолог — «внутреннее состояние мыслящей и сомневающейся (одно с другим почти не раздельно) части человечества».

Гамлеты и их проблемы существовали, видимо, во все времена, и поэтому неудивительно, что каждая новая эпоха, новое поколение по-своему читали шекспировского героя. Поэтому так различны, так непохожи при всем внешнем сходстве переводы «Гамлета» на русский язык. Центральный монолог, естественно, не является исключением. История переводов «Гамлета» в России — едва ли не самая богатая переводческая история зарубежных произведений. Введенный на русскую сцену еще в 1748 году в переделке А. Сумарокова «Гамлет» переводился более 30 раз, а центральный монолог трагедии, став пробным камнем мастерства, с бурным развитием русской переводческой школы, превзошел по количеству переводов как аналогичные фрагменты других классических произведений, так и самого «Гамлета» в целом.

При всех превратностях, пережитых этой трагедией в России (я имею в виду беспощадные переделки XVIII и начала XIX веков), именно этому монологу удалось хоть и в самых разных вариантах, пройти без существенного искажения смысла почти через все переводы, переделки и адаптации. Даже Сумароков при всей псевдо-классической нелепости его «обработки» обошелся с этим моно-

логом с несвойственной ему в отношении Шекспира осторожностью. С течением же времени, по мере того, как Шекспир в трудной борьбе со всяческими условностями завоевывал уважение и восхищение всех народов, стремление исказить оригинал перерастало в стремление сохранить его, а последнее — в благоговение перед каждой шекспировской строкой, которое подчас влекло за собой фанатический буквализм, вредивший самой литературной форме перевода.

Мы рассмотрим здесь лишь наиболее значительные переводы монолога Гамлета, взятые как фрагменты из переводов всей трагедии в целом, в попытке проследить историю перевода этого монолога с начала XIX века вплоть до послереволюционных переводов, которые заслуживают отдельного анализа.

Вот основные вехи этой истории: М. Вронченко (1828 г.), Н. Полевой (1837 г.), А. Кронеберг (1844 г.), М. Загуляев (1861 г.), А. Соколовский (1883 г.), П. Гнедич (1891 г.), Д. Аверкиев (1895 г.), К. Р. (Романов) (1899 г.). Их мы и рассмотрим.

Вот написанный Шекспиром английский текст, который, как можно надеяться, без существенных неточностей служил оригиналом всем переводчикам:

To be or not to be — that is the question.
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against the sea of troubles
And by opposing end them? To die, to sleep,
And by a sleep to say we end the heart-ache
And the thousand natural shocks
Our flesh is heir to. 'Tis a consumation
Devoutly to be wish'd. To die, to sleep,
To sleep? Perchance to dream? Ay, there's the rub.
For in this sleep of death what dreams may come,
When we have shuffled off the mortal coil,
Must give us pause. There's the respect
That makes calamity off so long life.
For who would bear the whips and scorns of time,
Th' oppressor's wrong, the proud man's contumely,
The pangs of despised love, the law's delay,
The insolence of office and the spurns
That patient merit of th' unworthy takes,
When he himself might his quietus make
With a bare bodkin? Who would these fardels bear
To grunt and sweat under a weary life,
But that the dread of something after death,
The undiscovered country from whose bourne
No traveller returns, puzzles the will
And makes us rather bear those ills we have

Than fly to others that we know not of?
Thus conscience doth make cowards of us all
And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er with the pale cast of thought
And enterprises of great pitch and moment
With this regard their current turn awry,
And lose the name of action...¹

Первым, кто задался целью воссоздать «Гамлета» на русском языке, «так, как написал бы его по-русски сам автор», был Михаил Павлович Бронченко, военный геодезист, генерал-майор и выдающийся переводчик. Он положил начало настоящим переводам с английского, став первым из тех, кто вдохновением и кропотливым трудом создавал русского Шекспира.

В 1828 г. он опубликовал перевод «Гамлета», который по точности и верности букве и духу оригинала в течение десятилетий оставался соперником лучших переводов трагедии. Это тем более поразительно, что его «Гамлет» появился всего 18 лет спустя после чудовищной переделки С. Висковатова, сделанной по французскому переводу; создан в то время, когда русская литература еще только-только просыпалась от летаргического сна классицизма с его условностями и канонами, с его враждебностью к вульгарному и «непросвещенному» Шекспиру.

Вот как выглядел монолог Гамлета в этом первом русском переводе трагедии²:

Быть или не быть — таков вопрос; что лучше,
Что благородней для души: сносить ли
Удары стрел враждующей фортуны
Или возстать противу моря бедствий
И их окончить? Умереть — уснуть —
Не боле; сном всегдашним прекратить
Все скорби сердца, тысячи мучений,
Наследье праха — вот конец достойный
Желаний жарких! Умереть — уснуть!
Уснуть? — Но сновиденья? — Вот препона:
Какие будут в смертном сне мечты,
Когда мятежную мы свергнем брэнность,
О том помыслить должно. Вот источник
Столь долгой жизни бедствий и печалей!
И кто б снес бич и поношение света,
Обиды гордых, притеснения сильных,
Законов слабость, знатных своевольство,
Осмеянной любви муки, злое

¹ W. S h a k e s p e a r e. The Complete Works. Ld. and Gl., 1964.

² Что касается самого монолога, то он был переведен с английского еще в 1775 году М. И. Плещеевым александрийским стихом.

Презренных душ презрение к заслугам
Когда кинжала лишь один удар —
И он свободен? Кто в ярме ходил бы,
Стенал под игом жизни и томился,
Когда бы страх грядущего по смерти, —
Неведомой страны, из коей нет
Сюда возврата, — не тревожил воли,
Не заставлял скорей сносить зло жизни,
Чем убегать от ней к бедам неизвестным?
Так робкими творит всегда нас совесть,
Так яркий в нас решимости румянец
Под тению тускнеет размышленья,
И замыслов отважные порывы,
От сей препоны уклоняя бег свой,
Имен деяний не стяжают...

Не правда ли, на первый взгляд, перевод этот прекрасен и почти не оставляет желать лучшего. Настолько целен, точен и архаично поэтичен этот монолог. Кажется, что это о нем сказаны слова Белинского, относящиеся к другому переводу М. Вронченко — к переводу «Макбета» (1837 г.): «Несмотря на видимую жесткость языка в иных местах, от этого перевода веет духом Шекспира, и когда вы читаете его, вас объемлют идеи и образы царя мировых поэтов».¹ Правда, тот же Белинский писал позднее, что и бездарный перевод не убьет до конца произведения великого, которое вопреки нему и через него все равно захватит читателя или зрителя. Но в данном случае перевод служит не барьером, а языковым фильтром, переливающим английскую поэзию в русские стихи. Помимо всего прочего, этот перевод был первым!

Это не означает, что он свободен от недостатков. Но нужно отметить, что большинство из них лежит в области языка, формы, а не неправильного толкования оригинала, причем часть из них сегодня умножена временем.

Что мы видим при подробном анализе?

Конечно, с расцветом русской литературы и развитием русского языка этот перевод не мог долго оставаться вполне современным: такие слова и выражения, как «враждующая фортуна», «противу», «препона», «любви муки», «под тению», «сей», «деяния» очень скоро, буквально в течение десяти лет, сделали его архаичным. Но общая верность духу и некоторые особенно счастливо найденные выражения долго оставались объектом подражания.

---

¹ В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собр. соч., т. IV, М., 1954, стр. 181.

Везде ли перевод безусловно верен? Разумеется, нет. Это была бы слишком непосильная задача для *первого* перевода такого (!) произведения. «Вот конец достойный желаний жарких» — это перевод желаемого, а не действительного. У Шекспира нет этих слов. Стоящие в английском тексте слова означают, что смерть, вечный сон, который окончит страдания души и тела — это желанный конец, исход, успокоение. Бронченковский же Гамлет как бы иронизирует над смертью, говоря, что она — достойный конец желаний жарких, и таким образом совершенно искажается его мысль о смерти. Правда, эту же фразу Бронченко можно прочесть и по-другому: «конец, достойный желаний жарких», то есть «конец, достойный того, чтобы его хотеть». Такая интерпретация возвращает словам Гамлета смысл оригинала, но тогда очевидно, что выражение Бронченко неудачно. В любом, даже в лучшем случае, оно двусмысленно.

Затем, не совсем верно толкуется слово “dreams”. Гамлет говорит о сновиденьях смертного сна, а не о мечтах. «Мятежная брэнность» — сочинение переводчика. “Mortal coil” — смертная оболочка, тело, о которых так часто говорит Гамлет, противопоставляя их духу, душе. Смысл этих слов: «когда мы избавимся от телесной, смертной оболочки духа, освободив его». Мятеж здесь совершенно ни при чем, и как всякое излишество, нарушает целостность картины.

Далее. “The law’s delay” — это, конечно, не «слабость законов», а по удачному выражению одного из поздних переводчиков, — «медлительность законов». Словам “he himself might his quietus make with a bare bodkin” не вполне соответствует перевод «кинжала лишь один удар — и он свободен». Речь идет не о свободе, а об успокоении, избавлении от «скорби сердца», «тысячи мучений», от «долгой жизни бедствий и печалей».

В строках «Когда бы страх ... неведомой страны, из коей нет сюда возврата» пропущен образ путника, столь яркий для того времени пилигримов и путешественников.

“Puzzles the will.” Это особенно важные слова. Они заключают и разряжают весь этот длинный и напряженный смысловой период, начавшийся со слов “Who would bear ...”, означая, что именно в страх «грядущего по смерти» у п и р а е т с я воля человека, увидевшего спасительный выход в смерти. Страх с к о в ы в а е т волю, а не «тревожит» ее; в этом весь смысл трагических сомнений Гамлета; соответ-

вующее слово перевода должно быть также сильно и кульминационно — с него начинается новый период, как волна откатывающийся от этой преграды смущенной страхом воли; ниже Гамлет разворачивает эту мысль. Недостаточно точно передан и смысл слов «... не заставлял скорей сносить те беды, которые мы имеем, чем бежать к другим, еще неизвестным». У Вронченко: «не заставлял скорей сносить зло жизни, чем убежать от ней (sic!) к бедам безвестным». Это нюанс, но и он представляется важным в таком монологе.

На этом, пожалуй, кончаются неточности в передаче смысла. Может возникнуть сомнение относительно верности перевода слова “conscience” как «совесть», но такого рода требования мы не считаем себя вправе предъявлять к первому переводу. (Тем более, что достоинств, причем весьма конкретных, этому переводу не занимать: «скорби сердца», «притеснение сильных», «знатных своевольство», «презренных душ презрение к заслугам», «яркий в нас решимости румянец» и другие найденные Вронченко выражения принадлежат к лучшим находкам русских переводов этого монолога).

Гораздо больше в переводе Вронченко недостатков стилистического порядка, формального выражения. «Тысячи мучений/Наследье праха» — в лучшем случае пустозвучно. Гамлет опять-таки имеет в виду мучения, связанные с бренной плотью, с земным существованием, которое в них повинно; не забудем, что Гамлет ищет причину страданий и избавление от них — в себе, весь его вопрос — бороться ли против моря бедствий внешней жизни или покончить с ними, умертвив их воспринимающую, неотторжимую от них и потому виновную(!) в их невыносимости плоть, земную жизнь, их первоисточник. Гамлет-философ не знает, искать ли начало несчастий в жизни, кипящей вокруг него, или же в том, что воспринимает их, — то есть в своих чувствах, восприятии, плоти — *flesh!* — которая как бы наследует их от жизни. Это очень трудное место. Вот как переводят его через сто с лишним лет: «... Тысячу природных мук / Наследье плоти» (М. Лозинский), «... тысячи лишений, / Присущих телу» (Б. Пастернак): можно сказать, что им удастся наиболее близко подойти к смыслу подлинника.

Нельзя признать удачным и выражение «О том помыслить должно». Не говоря уже о слове «помыслить» как таковом, все оно невыразительно растянуто по сравнению с резким “must give us pause” Шекспира. Поздние переводчики вообще толковали эти слова в ином смысле: «Вот в чем трудность» М. Лозинского, может быть, вольнее по букве, но

точнее и ближе по духу оригинальной мысли. «Обиды гордых» — тоже не совсем удачно. Чьи обиды? И кому? Выражение Вронченко двусмысленно. Дословный перевод: оскорбления гордеца (ср. «насмешка гордеца» Лозинского).

И наконец, последняя, заключительная строка. Известно, какой эмоциональной силой отличаются все концовки Шекспира — как всего произведения в целом, так и отдельных актов, сцен и монологов. Последние слова Гамлета — это растущий по ритму и напряженности период из шести стихов. Вслушайтесь в силу и естественность слов “and lose the name of action”. Слова Вронченко «имен деяний не стяжают» архаичны. Тем не менее по выразительности они с успехом соперничают с последующими переводами.

Таковы во многом спорные достоинства и недостатки первого русского перевода. В целом же, за ним, безусловно, нельзя не признать той верности духу и слову Шекспира, которую отмечали, но не всегда могли оценить по достоинству еще современники Вронченко и за которую так поразному боролись последующие переводчики «Гамлета».

В 1837 г. был опубликован новый перевод «Гамлета» — Н. Полевого, и трагедия была впервые поставлена на русской сцене. С этого времени начинается театральная история «Гамлета» в России — бурная история. Театр долгое время не мог воспринять Шекспира без изменений «согласно требованиям сцены», хотя и Шекспир как будто бы писал для театра. Первые представления «Гамлета» с Мочаловым в главной роли прекрасно описаны Белинским, который дал и развернутую критику перевода Полевого. Не вдаваясь в подробности «обработки» Полевым Шекспира, мы рассмотрим монолог Гамлета, который по своей счастливой судьбе почти не пострадал при пересадке на русскую сцену.

Вот текст, который читал Мочалов:

Быть или не быть — вот в чем вопрос!

(Заметим, что первый стих монолога в той форме, в какой он сохранился по сей день, был написан Полевым.)

Что доблестнее для души: сносить
Удары оскорбительной судьбы,
Или вооружиться против моря зол
И победив его, исчерпать разом?
Умереть — уснуть, не больше, и окончить сном
Страданья сердца, тысячи мучений —
Наследство тела: как не пожелать
Такого окончанья!.. Умереть, уснуть...

Уснуть — быть может грезить? Вот и затрудненье...
Да, в этом смертном сне какие сновиденья
Нам будут, когда буря жизни пролетит?
Вот остановка, вот для чего хотим мы
Влачиться лучше в долгой жизни —
И кто бы перенес обиды, злобу света,
Тиранов гордость, сильных оскорбленья,
Любви отвергнутой тоску, тщету законов,
Судей бесстыдство и презренье это
Заслуги терпеливой за деянья чести,
Когда покоем подарить нас может
Один удар! И кто понес бы иго
С проклятием, слезами тяжелой жизни?
Но страх: что будет там? там,
В той безвестной стороне, откуда
Нет пришлецов... Трепещет воля
И тяжело заставляет нас страдать,
Но не бежать к тому, что так безвестно...
Ужасное сознание робкой думы
И яркий цвет могучего решенья
Бледнеет перед мраком размышленья,
И смелость быстрого порыва гибнет,
И мысль не переходит в дело...

Блестящий монолог! В самом деле, можно сказать, что этот перевод еще более театрален, чем текст Шекспира. Во всяком случае он гораздо более легок, гладок и изящен, чем верный, поэтичный, но тяжеловатый перевод Вронченко. Именно эти качества и обеспечили переводу Полевого такой невиданный дотоле успех на сцене. Но как уже в то время глубоко подмечал Белинский, внимательно следивший за ростом влияния Шекспира на русскую литературу, успех перевода Полевого объяснялся самими его недостатками. Дело в том, что Полевой не считал Шекспира безусловно великим поэтом, говоря, что и у него есть «пятки, не омоченные в Стиксе», коль скоро его пьесы заставляют зрителей зевать. Исходя из этой, в общем, верной посылки, он делал вывод, что Шекспира нужно приспособить к среднему уровню тогдашней публики вместо того, чтобы заниматься неблагодарной еще в то время пропагандой искусства Шекспира и обучением зрителя сначала по книгам воспринимать настоящего Шекспира, как того требовал Белинский. Публика того времени еще не доросла до Шекспира (нельзя сказать, что она вполне доросла до него и сейчас), и Полевой объективно, знал он это или не знал, приноравливал старомодного поэта к «современным» запросам. В монологе Гамлета это как раз, как мы уже говорили, заметно меньше всего, но тем не менее и на нем сказался общий подход. Обратите внимание,

за счет чего дается Полевому этот блеск, эта легкость, это изящество:

«Что доблестнее для души?» — Гамлет думает не столько о доблести, сколько о благородстве. «Оскорбительная судьба» — оригинально, но вряд ли вполне по-русски. Да и не так выразительно, как у Шекспира.

Затем идет довольно удачный перевод шести строк: «море зол», «страдания сердца», «наследство тела»(!). «Вот и затруднение» — современнее, чем у Вронченко, но само по себе все-таки неудачно.

Вторая половина монолога сильнее испытала на себе вольность перевода Полевого. «Когда буря жизни пролетит» — красивый, но вольный перевод. «Вот остановка» — тоже. «Вот для чего хотим мы / Влачиться лучше в долгой жизни» — пересказ, а не перевод. У Шекспира: вот, что превращает долгую жизнь в мучение, заставляет так долго терпеть страдание. «Обиды, злобу света» — неточно. Уничтожен сохраненный у Вронченко образ («бич»). Вообще слова «злоба света» пристали скорее обществу времен Полевого, а не Гамлета. «Тиранов гордость» — и неудачно, и неверно. Гамлет говорит не о гордости тиранов (как будто гордость — самое злое качество тиранов!), а об оскорблениях надменных, то есть сильных мира сего. Правда, потом идет «сильных оскорбленья», но это перевод уже слов “th’ oppressor’s wrong”. Следующая строка очень удачна, хотя «тщета законов» — переводческая вольность. «Судей бесстыдство» — очень хорошо, но «презрение это заслуги терпеливой ...» и т. д. — и неудобочитаемо, и неточно (ср. у Вронченко). Следующие строки очень хороши, хотя и не везде точны (например, «слезы» вместо «пота». Полевой «облагораживает» Гамлета). Обратите внимание, как Полевой заменяет для большей театральности синтаксическую связь Шекспира — эмоциональной после слов «С проклятием, слезами тяжелой жизни», где у Полевого — игровая пауза. То же и после слов «откуда / Нет пришлецов». Кстати, это неудачные слова, так как пришлецы-то есть (дух отца Гамлета), а нет возврата путешественникам, ушедшим в «неведомую страну». «Трепещет воля» — лучше, чем у Вронченко, но все равно недостаточно сильно.

Следующие две строки совсем уже далеки от текста Шекспира. Совершенно отсутствует тонкая игра Гамлета на слове “ills”, и пропадает лежащий в ней смысл (ср. у Б. Пастернака: «мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться»). «Ужасное сознание роб-

кой думы» — очень красиво, но почти лишено того четкого смысла, который передает фраза Шекспира. Красивость («самый страшный враг красоты») вытесняет простоту и из последующих строк (ср. у Вронченко: «Так яркий в нас решимости румянец...»). Последние же три стиха вообще сокращены с ущербом для экспрессивности заключительных строк Шекспира.

Вообще весь перевод Полевого являет яркий пример затушевывания классика современностью. Вероятно, переводчик считал, что при таком переводе зрители перестанут зевать. Современный ему уровень восприятия подтвердил его правоту.

Но время не стояло на месте. Условности отмирали. На их месте возникали другие.

Историческая заслуга Полевого заключалась в том, что он дал своим переводом мощный толчок ко все более упорным попыткам примирить Шекспира и современность, Шекспира и театр. Задача в то время была невероятно сложной. Чем ближе к оригиналу, тем меньше шансов иметь успех у широкой публики. И наоборот. Переводы Вронченко и Полевого представляли собой два пути, два метода. А. Кронеберг, создавший в 1844 г. новый перевод «Гамлета», выбрал первый из них. Вот как выглядел монолог Гамлета в его переводе:

Быть иль не быть? Вот в чем вопрос!
Что благороднее? Сносить ли гром и стрелы
Враждующей судьбы, или восстать
На море бед и кончить их борьбою?
Окончить жизнь, — уснуть, —
Не более! — И знать, что этот сон
Окончит грусть и тысячи ударов,
Удел живых... Такой конец достоин
Желаний жарких! — Умереть — уснуть...
Уснуть! —
Но если сон виденья посетят?...
Что за мечты на смертный сон слетят,
Когда стряхнем мы суету земную?
Вот, что дальнейший заграждает путь,
Вот отчего беда так долговечна!
Кто снес бы бич и посмеянье века,
Бессилье прав, тиранов притеснение,
Обиды гордого, забытую любовь,
Презренных душ презрение к заслугам,
Когда бы мог нас подарить покоем
Один удар? Кто нес бы бремя жизни,
Кто гнулся бы под тяжестью трудов?
И только страх чего-то после смерти, —
Страна безвестная, откуда путник

Не возвращался к нам, — смущает волю
И мы скорей снесем земное горе,
Чем убежим к безвестности за гробом.
Так всех нас совесть обращает в трусов,
Так блекнет в нас румянец сильной воли,
Когда начнем мы размышлять; слабеет
Живой полет отважных предприятий
И робкий путь склоняет. прочь от цели ...

Не нужен подробный анализ, чтобы увидеть, что это новая ступень в переводе монолога. Можно спорить лишь об отдельных его местах.

По-прежнему, камнем преткновения остается “outrageous fortune”. «Гром ... враждующей судьбы» — не самое удачное выражение. Зато следующий стих прекрасен.

«Окончить жизнь» — оригинальная, но вряд ли верная амплификация. Кронеберг, видимо, хочет подчеркнуть, что это не естественная смерть.

«Окончит грусть». “Heart-ache” — не грусть, да и вряд ли состояние Гамлета определяется этим словом. Зато «удел живых» — очень верно по смыслу, хоть и не точно.

Следующая строка, как мы видим, заимствована у Вронченко, причем, ввиду прежних замечаний, — это не самое удачное заимствование. Этот стих двусмыслен. Неудачно заимствовано и слово «мечты».

Перевод «когда стряхнем мы суету земную» можно считать удачным, несмотря на некоторую буквальность. «Вот отчего беда так долговечна» — хорошо, сжато, но, может быть, не вполне понятно. (У Шекспира яснее: вот, что делает жизнь страданий столь долгой).

Затем идет период, когда Гамлет говорит о самих злах окружающей его жизни. Здесь представляется, что для верного воссоздания образа принца необходимо сохранить именно ту картину, которую рисует он. «Бич и посмеянье века» — прекрасно, «бессилье прав» — выдуманно, хоть и удачно, «тиранов притеснение» — точно и хорошо, «обиды гордого» — опять-таки, чьи обиды? «Забытая любовь» — сжато, но далеко не так выразительно, как у Шекспира. Стих: «Презренных душ презрение к заслугам» взят у Вронченко, точно так же, как последующий — у Полевого.

Следующие два стиха удачно пересказывают мысль Гамлета.

Строка «И только страх ...» — самая точная и самая лучшая из трех переводов, равно как и две следующие; но вот опять знакомый нам камень преткновения: «смущает волю», «Тревожит», «трепещет», «смущает». Может быть,

«смущает» и самое удачное слово, но все равно, оно кажется недостаточно выразительным. В следующих двух строках не передано, во-первых, важное слово “makes” — заставляет, а во-вторых, все та же не поддающаяся пока переводу словесная игра ... “ills we have ...”. “Conscience” все еще переводится как «совесть».

Строки: «Так блекнет в нас ... когда начнем мы размышлять» едва ли не лучшие из всех переводов, хотя шекспировский образ сохранен не полностью.

Заключительные же строки монолога кажутся нам опять-таки слабыми по сравнению с необыкновенно выразительными словами Шекспира.

Интересно отметить, что в свое время перевод Кронеберга именно в силу его достоинств имел так же мало успеха у широкой публики, как и перевод Вронченко — в свое.

Следующий перевод «Гамлета» был создан в 1861 г. М. Загуляевым, который в попытке решить проблему примирения Шекспира с театром и современностью стремился создать перевод одновременно «верный и удобочитаемый». Эти две цели долго еще оставались несовместимыми. «Я решил,— писал переводчик,— переводить каждое слово, обращаясь с ним, как с святыней, завещанной нам великим гением». Мы не станем приводить весь монолог целиком, а рассмотрим только характерные его черты.

...Должна ли

Великая душа сносить удары рока...?

Это, конечно, неверно. Гамлет говорит не о «великой» душе. Он говорит о любом человеке вообще.

...покончить навсегда

С страданиями души и с тысячью болезней,
Природой привитых к немощной плоти нашей...

Это, как мы видим, совершенно оригинальная интерпретация. Действительно, что такое “natural shocks”? Нужно ли толковать эти слова в философском смысле, как это делали до Загуляева? Или же, действительно, Гамлет имеет в виду обыкновенные человеческие болезни, в которых виновата немощность нашей плоти?

“Tis a consomation ... ” опять переводится по Кронебергу и Вронченко.

“Ay, there’s the rub”— «Да, вот—помеха!» (Ср. у Вронченко и Полевого). “Must give us pause”— «Тут есть о чем подумать!» Удачно переведен стих “There’s the respect...” «Эта мысль / И делает столь долгой жизнь несчастных».

После этого у Загуляева вопреки его «решению» идет хоть и очень хороший, но всего лишь п е р е с к а з монолога à la Полевой:

И кто бы в самом деле захотел
Сносить со стоном иго тяжелой жизни
Когда б не страх того, что будет там, за гробом.

(Перестановка. Эти строки должны были бы идти позднее, после картины «зол».)

Кто б захотел сносить судьбы все бичеванья
И все обиды света, поруганье
Тирана, оскорбленья гордеца,
Отверженной любви безмолвное (?) страданье,
Законов медленность и дерзость наглеца,
Который облечен судьбой всемогущей властью,
Презрение невеж к познаниям и уму (??),
Когда довольно острого кинжала,
Чтоб успокоиться навек?..

В перевод последующих строк Загуляев привносит мало нового. Оригинальны (хотя малоудачны и не вполне верны) лишь заключительные стихи:

Да, малодушными нас делает сомненье (!?)...
Так бледный свой оттенок размышленья
Кладет на яркий цвет уж твердого решения,
И мысли лишь одной достаточно, чтоб вдруг
Остановить важнейших дел течение...

Другой переводчик «Гамлета» — А. Л. Соколовский (1883 г.) тоже пытался решить все ту же проблему, отдавая, однако, предпочтение духу, «впечатлению» перед буквой оригинала, стремясь «взрастить живой цветок из семян подлинника». Вот что у него получилось:

Жить иль не жить — вот в чем вопрос. Честнее ль (?)
Безропотно сносить удары стрел
Враждебной нам (!) судьбы, иль кончить разом
С безбрежным морем радостей и бед,
Восстав на все? Окончить жизнь — уснуть.

(Вряд ли Гамлет наивно думал, что «восстав на все», он кончит беды «разом». «Окончить жизнь — уснуть» — взято у А. Кронеберга.)

Не более! — Когда ж при этом вспомнить,
Что с этим сном навеки отлетят
И сердца боль, и горькие обиды (??) —
Наследье нашей плоти, — то не в праве ль
Мы все желать подобного конца?..

(При чем здесь «право»? Гамлет говорит, что это желанный конец.)

...Вот остановка!

Какого рода сны тревожить будут
Нас в смертном сне, когда мы совлечем
С себя покрывку плоти?

(Вряд ли это удачно)

Вот, что может

Связать решимость в нас, заставляя вечно
Терпеть и зло и бедственную жизнь!..
Кто стал бы в самом деле выносить
Безропотно обиды, притеснения,
Ряд (?) горьких мук обманутой (?) любви,
Стыд бедности (??), неправду власти (??), чванство
И гордость знатных родом — словом все,
Что суждено достоинству терпеть
От низости — когда бы каждый (!) мог
Найти покой при помощи удара
Короткого ножа?

В этом отрывке пропущены “the whips and scorns of time”, “the law’s delay”, “the insolence of office”; на их месте — беды, придуманные Соколовским. Что касается «короткого ножа», то Соколовский был первым, кто правильно толковал слово “bodkin”—«шило». Как отмечал М. М. Морозов, оно не случайно у Гамлета. Именно шило, нож, а не кинжал, то есть оружие, доступное к а ж д о м у.

...Когда бы страх пред тою непонятной,
Неведомой страной, откуда нет
И не было возврата, не держал
В оковах нашей воли (!!!) и не делал
Того, что мы скорей сносить готовы
Позор (?) и зло, в которых родились,
Чем ринуться в погоню за неизвестным?

(Новая попытка передать слово “ills”; опять-таки нельзя сказать, что она удачна.)

Всех трусами нас сделала боязнь!

(??Почему боязнь? Это бессмысленно.)

Решимости роскошный (?) цвет бледнеет
Под гнетом (?) размышленья. Наши все
Прекраснейшие (?) замыслы, встречаясь
С ужасной этой мыслью, отступают,
Теряя имя дел...

Стремясь «взрастить живой цветок», Соколовский отступает перед оригиналом, заменяя перевод пересказом, отчего

перевод только теряет. Тем не менее, он первый дает верный перевод слов “puzzles the will” хорошо передает по-русски “outrageous fortune” и “bare bodkin”. Но на этом, кажется, и кончаются удачные находки перевода Соколовского; остальные достоинства — это достоинства пересказа.

После А. Соколовского за перевод „Гамлета“ взялся такой большой мастер как П. П. Гнедич. Несмотря на столь плодотворный труд выдающихся русских переводчиков, так упорно стремившихся ко все более совершенному переводу трагедии, театр неизменно отдавал предпочтение пересказу Полевого, который неоднократно переиздавался. Недостатки его всеми осознавались, но замены ему не находили. Гнедич решил еще раз попытаться приспособить Шекспира к сцене, не нарушая, так сказать, этики перевода. Подобная попытка была обречена; еще не пришло то время, когда театр осознал, что это он должен приспособливаться к Шекспиру, а не Шекспир — к нему. Гнедич очень долго работал над переводом, переделывая и улучшая его, но название оставалось неизменным: «Гамлет, принц Датский... С сокращениями согласно требованиям сцены».

Вот монолог принца в переводе П. П. Гнедича:

Быть или не быть? вот в чем вопрос!
Что благороднее: сносить удары
Неистойвой (!) судьбы, — иль против моря
Невзгод вооружиться, в бой вступить
И все покончить разом...

(Как и А. Соколовский, Гнедич полагал, что Гамлет покончит с морем зла «одним ударом». Если бы это было так легко, Гамлет вряд ли бы колебался!)

...Умереть...
Уснуть — не больше, — и сознать — что сном
Мы заглушим все эти муки сердца,
Которые в наследство бедной плоти достались (!!)
— О, да, это столь желанный
Конец!.. Да, умереть — уснуть... Уснуть?
Жить в мире грез, быть может? — вот преграда (!!)
Какие грезы в этом мертвом сне
Пред духом бестелесным реять будут? —

(Пересказ!)

Вот в чем препятствие! — и вот причина,
Что скорби долговечны на земле...
А то кому снести бы поношение,
Насмешки ближних (?), дерзкие обиды
Тиранов, наглость пошлых гордецов,

Мучения отвергнутой любви (!),
 Медлительность законов (!), своеволие
 Властей (!)... пинки, которые дают
 Страдальцам заслуженным негодяи, —
 Когда бы можно было вековечный
 Покой и мир найти — одним ударом
 Простого шила! (!) Кто бы на земле
 Нес этот жизни груз, изнемогая
 Под тяжким гнетом, — если б страх невольный
 Чего-то после смерти, та страна
 Безвестная, откуда никогда
 Никто (?) не возвращался, — не смущал
 Решенья нашего... О, мы скорее
 Перенесем все скорби тех мучений,
 Что возле нас, чем бросив все, навстречу
 Пойдем другим, неведомым бедам...
 И эта мысль нас в трусов обращает,
 Могучая решимость остывает
 При размышленьи и деянья наши
 Становятся ничтожеством...

Это, безусловно, один из лучших переводов. Настолько верно и поэтично передано состояние принца в целом, так много в нем удачно переведенных мест. Лишь некоторые недостатки составляют исключение.

Гнедич обходит такие подводные камни, как “mortal coil” или “calamity of so long life”, обесцвечивая эти образы. Он считает, что трудный поэтический образ вредит восприятию текста со сцены.

«Насмешки ближних» — пожалуй, единственное неверное выражение в блестяще переданной в общем картине зол, о которых говорит Гамлет. Общее впечатление портит выражение «страдальцам заслуженным».

Опять упущен образ «путника», хотя Гнедичу ничего не стоило передать его.

«... не смущал / Решенья нашего...» — трижды верно по смыслу, но все же Гамлет говорит о **воле**; это слово тоже хотелось бы видеть сохраненным. «Скорби мучений» — тоже не лучшее выражение; зато оригинально и, в общем, верно (если не считать неудачного слова «пойдем» — “fly” (!) передается, наконец-то, смысл слов “those ills we have...”).

Вслед за А. Соколовским Гнедич переводит “conscience” — «эта мысль». Это и верно, и неверно. То, что он отказывается, наконец, от неточного слова «совесть», — это шаг вперед. Но Гамлет в данном случае говорит не об **этой** мысли, а о мысли, о мышлении, о раздумье **вообще**, философски — это ключ к его трагедии. И уж совсем обескураживающий конец: пропущен образ здорового румянца решимости,

блекнувшего в облаке размышлений. Таковы были во времена Гнедича «требования сцены». И совсем уже не звучат выпотрошенные Гнедичем простые и гениально выразительные последние слова монолога.

П. Гнедич дал, наконец, русскому театру перевод, которого он так долго ждал, чтобы заменить переделку Полевого. Все увидели, что примирение между Шекспиром и современным театром возможно. Д. В. Аверкиев попытался в 1895 г. сблизить их еще теснее. Он признавал обе задачи, стоявшие перед ним. Тем не менее, буквальность взяла верх над живостью и естественностью. Непримируемое, кажется, противоречие!

Жизнь или смерть — таков вопрос.
Что благородней для души: сносить ли
И пращу, и стрелу (??) судьбы свирепой,
Иль, встав с оружием против моря зол,
Борьбой покончить с ними? (!) — Умереть, —
Уснуть, — не больше ... И подумать только (!)
Что сном окончатся и скорби сердца,
И тысячи страданий прирожденных,
Наследье плоти!.. Вот исход, достойный
Благоговейного желанья!... Умереть, —
Уснуть ... Уснуть!... Быть может, видеть сны. —
Вот в чем препятствие. Что мы, избавясь
От этих преходящих бед, (?!) увидим
В том мертвом сне, — не может не заставить
Остановиться нас. По этой-то причине
Мы терпим бедствие столь долгой жизни, —

(Этот отрывок, как нам кажется, показывает, чего можно достичь, усваивая то положительное, что было сделано предшественниками, и подавляя стремление к оригинальности).

Кто снес бы бичеванье и насмешки
Людской толпы, презренье к бедняку (?)
Неправду притеснителя, томленье (?)
Отверженной любви, бессилье (?) права,
Нахальство власть имущих и пинки,
Что терпеливая заслуга сносит
От недостойного (!!), когда он (?) может
Покончить с жизнью счеты (?)
Простым стилетом (?) ... Кто бы стал таскать
Все эти ноши и потеть, и охать
Под тягостною жизнью (!), если б страх
Чего-то после смерти, той страны
Неведомой, из-за границ которой
Не возвращаются, — не путал (?) воли,
Уча (?), что лучше нам сносить земные беды,
Чем броситься к другим, нам неизвестным (!).
Так в трусов обращает нас сознание (!),

Так и решимости природный цвет
От бледного оттенка мысли тускнет
И оттого-то также предприятия
Великие по силе и значенью,
Сбиваясь в сторону в своем течении,
Не переходят в дело...

Так был сделан новый вклад в совершенствование перевода этого удивительного по своей глубине монолога. Образ Гамлета приобретал все новые, скрытые дотоле черты.

Перевод трагедии, сделанный в 1899 г. К. Р. /омановым/, известным поэтом и переводчиком, — символичен. Это был последний перевод XIX века. Это был перевод новый и вместе с тем традиционный, в том смысле, что он гармонично впитал в себя почти все лучшее, что было сделано за 70 лет после М. Вронченко. Это был первый перевод «стих в стих», сопровождаемый английским текстом en regard и двухтомным комментарием к трагедии, вобравшим в себя все, что европейская наука знала о «Гамлете». Современники очень высоко оценили «точность», «тонкость» и замечательную добросовестность перевода К. Р.

Вот как выглядел монолог Гамлета в этом последнем переводе XIX века, переводе, созданном в результате упорного труда талантливых переводчиков пяти поколений:

Быть или не быть? Вот в чем вопрос! Что выше:
Сносить в душе с терпением удары
Пращей и стрел (!) судьбы жестокой (!) или
Вооружившись против моря бедствий,
Борьбой покончить с ними? (!) Умереть — уснуть, —
Не более; и знать, что этим сном покончишь
С сердечной мукою и с тысячью терзаний,
Которым плоть обречена (!) — о, вот исход
Многожеланный! Умереть, — уснуть; —
Уснуть! и видеть сны, быть может? Вот оно! (?)
Какие сны в дремоте смертной снятся,
Лишь тленную страхнем мы оболочку (!), — вот что
Удерживает нас (!). И этот довод (?)
Причина долговечного страданья.
Кто бы стал терпеть насмешки и обиды,
Гнет притеснителей, кичливость гордецов,
Любви отвергнутой терзание, законов
Медлительность, властей бесстыдство и презренье
Ничтожества к заслуге терпеливой, (!)
Когда бы сам все счета мог покончить
Каким-нибудь ножом. Кто б нес такое бремя,
Стеная, весь в поту под тяготою жизни (!)
Когда бы страх чего-то после смерти,
В неведомой стране, откуда ни единый
Не возвращался путник (!) воли не смущал,

Внушая нам скорей испытанные беды
Сносить, чем к неизвестности бежать? И вот
Как совесть делает из всех нас трусов;
Вот как решимости природный цвет
Под краской (?) мысли чахнет и бледнеет,
И начинанья важности великой,
От этих дум течение изменив,
Теряют и название дел...

Разве это не настоящий Гамлет?

Разве этот перевод не мог бы с успехом звучать с сегодняшней сцены? Да, настоящий. Да, мог бы.

Разве нужны были новые переводы? Новый век сказал: да, нужны.

Таковы основные вехи истории монолога Гамлета в передаче крупнейших переводчиков шекспировской трагедии в XIX веке. Своим кропотливым трудом и талантом они создали русского Гамлета, проникнув в глубины шекспировских мыслей и образов и позволив переводчикам следующего века пойти еще дальше по пути к совершенному переводу и создать своего, нового, современного Гамлета, увиденного и понятого иным поколением. Поэты и переводчики нового века не остановились на том, что уже было сделано. Время требовало нового восприятия глубочайшей из всех существовавших трагедий. И XX век дал новые переводы «Гамлета». Н. Россов (1907 г.), А. Радлова (1937), М. Лозинский (1938) и Б. Пастернак (1940) создали, наследуя накопленный опыт и богатство, своих, оригинальных героев. Не всегда это было заслугой. Иногда они стремились перевести по-своему то, что и без того уже было переведено хорошо, вместо того, чтобы, сохраняя достигнутое, улучшать еще несовершенное. Именно поэтому идеального, совершенного перевода так и не было создано. Но возникают два вопроса: возможен ли он? и нужен ли он?

III. ВОПРОСЫ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

Г. Чернов
(Москва)

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД: РЕЧЕВАЯ КОМПРЕССИЯ — ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В этой статье, при всей важности изучения синхронного перевода с позиций многих смежных, как точных, так и описательных наук, хотелось бы подчеркнуть важность лингвистического аспекта синхронного перевода, тем более, что иногда раздаются голоса, утверждающие, что устный перевод не имеет лингвистической специфики, отличающей его от письменного перевода. Нам представляется важным указать, во-первых, на то, что в синхронном переводе имеется своя лингвистическая специфика и, во-вторых, на то, что удельный вес ряда сопоставимых языковых явлений, важных для перевода, не обязательно одинаков для устного и для письменного перевода.

При этом следует оговориться, что лингвистический аспект синхронного перевода, в отличие от других его аспектов, можно рассматривать лишь в пределах одной языковой комбинации¹.

Настоящая статья — это попытка показать некоторые лингвистические проблемы синхронного перевода, специфические для англо-русской его комбинации.

I. Темп речи и перевода

Проведем простой опыт. Открываем т. I «Переписки Председателя Совета Министров СССР с президентами США и

---

¹ Под языковой комбинацией в синхронном переводе понимается перевод с одного конкретного языка на другой конкретный язык, и только в одном направлении. Согласно этому определению, любой синхронный переводчик работает, как минимум, в двух комбинациях.

премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», Госполитиздат, 1957 г. Рассмотрим документ № 1 «Личное послание от г-на Черчилля г-ну Сталину», полученное 8 июля 1941 года; и соответственно его перевод на русский язык, с точки зрения «слоговой величины»² первого и второго текстов. При этом нам известно, что перевод письма тщательно продуман и отработан, что одним из правил перевода дипломатических документов является стремление к текстуальной близости перевода к оригиналу, иногда доходящее до буквализма.

Письмо занимает примерно $1\frac{1}{2}$ страницы типографского текста, при этом «слоговая величина» оригинала 371 слог, а перевода 566, т. е. количество слогов в переводе выросло на 52%; текст стал в $1\frac{1}{2}$ раза длиннее (при прочтении его вслух, во времени).

Это удлинение сообщения (во времени, в слоговой величине), при тщательно отработанном переводе с английского на русский язык, является, по-видимому, неизбежным следствием флективности русского языка. Подсчет показывает, что, по крайней мере, 68 слогов в переводе добавились за счет лишней флексии, по сравнению с «нулевой» формой слова (неопределенная форма глагола; ед. число, им. пад. существительного и т. п.).

Но и без этого опыта каждый переводчик эмпирически ощущает удлинение текста в переводе с английского на русский язык. Чем менее опытен переводчик, или чем небрежнее, чем торопливее он работает, тем больше удлинение.

Здесь мы и подходим к проблеме, вызывающей значительные трудности у синхронного переводчика англо-русской комбинации. У синхронного переводчика, не имеющего возможности работать со словарями и справочниками, тщательно обдумывать и взвешивать каждое слово и выражение в переводе, слоговая величина сообщения в ПЯ (языке перевода) может оказаться еще выше, и составить 200—250% от слоговой величины подлинника.

Если учесть, что темп речи задается оратором, и зачастую (на основании многолетних наблюдений за синхронным переводом в том числе в ООН, можно утверждать — в большинстве случаев) является быстрым, и даже предельно возможным (сообщение часто бывает заранее написано, и

---

² Понятие «слоговой величины» применено к переводу Р. К. Миньяр-Белоручевым.

зачитывается оратором), то ясно, что никакая ежедневная «акробатическая гимнастика» органов речи не спасет синхронного переводчика: он либо безнадежно отстанет (при сохранении пропорций нашего примера, — на полчаса, при часовой речи), либо выпустит половину из того, что высказано оратором.

Поскольку первое невозможно: при большом отставании синхронный перевод перестает быть синхронным и сходит на нет, — именно второе и происходит с малоопытным (начинающим) синхронным переводчиком. Более того, при умеренном и даже медленном темпе³ речи оратора, малоопытный (начинающий) синхронист англо-русской комбинации часто отчаянно торопится, едва успевая проговаривать фразу, глотает для экономии времени падежные окончания, теряет возможность контролировать свою речь. И это неизбежное следствие разницы в слоговой величине англо-русской комбинации перевода.

В то же время, опытный переводчик работает спокойно, говорит в умеренном темпе зачастую и при крайней торопливости речи оратора.⁴ И при этом никто, даже самые придирчивые контролеры (а таких, как правило, немало у синхронного переводчика) не жалуются на смысловые потери.

Как это происходит? И почему это становится возможным?

Общеизвестно, что такое явление возможно ввиду информационной избыточности языка. Однако, если мы попытаемся ответить так студенту, проходящему курс синхронного перевода, вряд ли он удовлетворится таким ответом. Он неизбежно потребует уточнения: а как конкретно?

На последний вопрос могут дать полный и исчерпывающий ответ только тщательные комплексные информационные лингвистические исследования⁵, однако уже сейчас можно дать студенту многое, проведя некоторый лингвисти-

---

³ Количественное определение среднего темпа монологической устной речи (или ее эквивалента: устного зачитания с трибуны заранее подготовленного текста речи) еще ждет своего уточнения для каждого языка, втянутого в орбиту синхронного перевода.

⁴ См. шутливый совет опытного синхрониста М. Я. Цвиллинга молодому переводчику в «Тетрадах переводчика», № 2 (стр. 121) «Если оратор говорит слишком быстро, не обращай внимания ... чем быстрее говорит оратор, тем медленнее переводит переводчик...»

⁵ Например, типа тех, которые предлагает М. Я. Цвиллинг в «Тетрадах переводчика», № 3, стр. 87—93, «Синхронный перевод как объект экспериментального исследования».

ческий анализ типичных⁶ ошибок, совершаемых начинающим синхронистом. При этом выводы будут применимы лишь конкретно к каждой комбинации (хотя они могут и совпасть для некоторых из них).

II. Рассмотрим пример...

При синхронном переводе неизбежно происходит сжатие речи оратора, оригинального сообщения, то есть речевая компрессия, степень которой определяется у опытного переводчика темпом и стилем речи оратора.

Приведем пример.

Делегат Новой Зеландии начинает следующим образом свою речь на пленарном заседании XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выступая в темпе несколько выше среднего темпа английской монологической речи.

Mr. President [57],

(1) Our gratitude and appreciation are due to the retiring President, Sir Fanfani, for his notable contribution to the work of the preceding session. [44]

(2) In congratulating you, Sir, on your elevation to the Presidency of this Assembly, the New Zealand delegation pledges its cooperation with you in your demanding duty of attempting to channel in a positive direction the authority which the Assembly possesses. [78].

(3) At a time when the problems of Asia are of such primary concern, it is altogether appropriate, as many have remarked before, that it should be the distinguished son of Asia who preside over our deliberations. [57].

Сделаем полный письменный перевод этого отрывка, перевод, который будет дан при публикации речи новозеландца; и сопоставим его с устным переводом, полученным в результате усреднения и некоторой редакции четырех переводов, сделанных синхронистами-стажерами, слушателями курсов переводчиков ООН при I МГПИИЯ, после 4-х месяцев интенсивных ежедневных занятий и тренировки в устном переводе⁸.

⁶ Под «типичными» ошибками мы понимаем такие, которые многократно повторяются у многих, у большинства или у всех студентов.

⁷ Цифра в квадратных скобках указывает на число слогов.

⁸ В целях экономии «жилплощади» приводим перевод только одного абзаца (2) в вариантах четырех курсантов, легших в основу усредненного варианта:

№ 1. Поздравляя Вас, сэр, в связи с избранием на пост пред-

Г-н председатель! [7]

(4) Уходящий в отставку председатель г-н Фанфани заслуживает нашей благодарности и высокой оценки за тот значительный вклад, который он внес в работу предыдущей сессии Ассамблеи. [62]

(5) Поздравляя Вас, г-н Председатель, по поводу Вашего избрания на пост председателя настоящей сессии Ассамблеи, делегация Новой Зеландии обещает Вам сотрудничать с Вами при выполнении Вами ответственной задачи, которая заключается в том, чтобы попытаться направить в русло позитивных решений Генеральной Ассамблеи. [118]

Г-н председатель! [7]

(7) Наша благодарность и признательность обращаются к бывшему председателю, г-ну Фанфани, за значительный вклад, сделанный им в работу предыдущей сессии [51]

(8) Поздравляя Вас, г-н председатель, по поводу Вашего избрания на пост председателя настоящей сессии Ассамблеи, Новозеландская делегация обещает сотрудничать с Вами в выполнении Вашей задачи — в попытке направить в нужное русло авторитет Ассамблеи. [91]

седателя данной Ассамблеи, делегат Новой Зеландии обязуется сотрудничать с Вами в выполнении Ваших обязанностей, направленных на использование должным образом авторитета Генеральной Ассамблеи. [86]

№ 2. Поздравляя Вас, сэр, по случаю избрания Вас председателем этой Ассамблеи, Новозеландская делегация обязуется сотрудничать с Вами в Вашем многотрудном деле направить авторитет Ассамблеи по правильному руслу. [74]

№ 3. Поздравляя Вас, сэр, по поводу Вашего избрания на пост председателя этой Ассамблеи, Новая Зеландия обязуется сотрудничать с Вами в Вашей огромной ответственности попытаться направить по правильному пути те полномочия, которыми обладает Генеральная Ассамблея. [95]

№ 4. Поздравляя Вас, господин председатель, в связи с избранием на пост председателя данной Ассамблеи, Новозеландская делегация заверяет Вас в том, что она будет сотрудничать с Вами в вашей обязанности направлять в нужном направлении те полномочия, которыми обладает Ассамблея. [94]

(6) В период, когда проблемы Азии вызывают такую глубокую тревогу, вполне законно, как отмечали многие ораторы, выступавшие до меня, что нашей работой руководит уважаемый сын Азии. [69]

(9) В период, когда проблемы Азии вызывают столь глубокую тревогу, вполне законно, как уже отмечали многие ораторы, что именно уважаемый сын Азии руководит нашей работой. [64]

Текст устного перевода (в усредненном и отредактированном виде) в нескольких важных моментах отличается от текста письменного перевода, и, прежде всего порядком слов, который в отличие от порядка слов письменного перевода, не может существенно отклоняться от порядка слов оригинала. Смещение логического ударения при этом корректируется интонацией.

Сравнение, поабзацно, слоговой величины оригинала и двух переводов дает следующие цифры: 5 — 7 — 7; 44 — 62 — 51; 78 — 118 — 91; 57 — 69 — 64;

Общий итог: 184 — 256 — 213

Мы видим, что в письменном переводе слоговая величина выросла на 72 слога (или 39%), а в устном несколько сократилась, но все еще выше оригинала на 29 слогов (или 15%).

Сокращение произошло, в целом, без потери смысла, как неизбежное следствие нехватки времени (темп речи оратора выше среднего). И все же при этом темпе речи оратора синхронист не может позволить себе даже 15%-ное удлинение отрезка сообщения в слоговой величине. Посмотрим, нет ли в тексте устного перевода еще резервов сокращения.

При посинтагменном переводе, который обычно осуществляет более опытный синхронист, возможны небольшие изменения порядка слов и, за счет этого, дополнительные сокращения слоговой величины сообщения на ПЯ. Есть и еще резервы.

Г-н председатель! [7]

(10). Мы глубоко признательны бывшему председателю, г-ну Фанфани, за значительный вклад в работу прошлой сессии. [37]

(11). Поздравляя Вас с избранием на пост председателя Ассамблеи, делегация Новой Зеландии обещает сотрудни-

чать с Вами в выполнении Вашей задачи — направить в нужное русло авторитет Ассамблеи. [67].

(12). Сейчас, когда проблемы Азии вызывают столь большую тревогу, законно, как уже отмечали многие ораторы, что нашей работой руководит выдающийся сын Азии. [57]

Теперь соотношение слоговой величины уже в пользу перевода 5 — 7, 44 — 37, 78 — 67, 57 — 57; общий итог: 184 — 168.

При посинтагменном переводе мы смогли сделать следующее.

- (a) Our gratitude and appreciation are due ... [12] → Мы глубоко признательны ... [8]
- (b) по поводу Вашего избрания [11] (см. 8) *или* по случаю Вашего избрания [11] *или* в связи с Вашим избранием [8] → с избранием [4]
- (c) ... on your elevation to the Presidency of this Assembly [17] (2) передано в усредненном варианте «на пост председателя настоящей сессии Ассамблеи» [18] (8)⁹; широкий контекст (сама сессия) дает возможность снять слова *настоящей сессии* [—7 сл.] Получаем: «на пост председателя Ассамблеи» [11] (11)
- (d) in your demanding duty of attempting to channel [14] (2) = «при выполнении Вами ответственной задачи, которая заключается в том, чтобы попытаться направить в русло...» [36] (5) = «в выполнении Вашей задачи — в попытке направить в ... русло ...» [18] (8) → «в выполнении Вашей задачи — направить в ... русло» [15] (11).
- (e) the authority which the Assembly possesses [12](2) = «авторитет Генеральной Ассамблеи» [12] (5) → «авторитет Ассамблеи» [8] (8—11)¹⁰
- (f) it is altogether appropriate [10] (3) = «вполне законно» [5] (6,9) → «законно» [3] (12). «Вполне» можно снять, поскольку «законно» — некото-

---

⁹ «на пост председателя» — неизбежная добавка: возможен, однако, и вариант более разговорный: «с избранием Вас председателем»; при этом, однако, нежелателен общий результат: «Поздравляя Вас с избранием Вас ...»

¹⁰ authority передано не *власть*, а именно *авторитет* (можно было и *престиж*, но это хуже), поскольку этот «буквализм» в насто-

рое усиление качества по сравнению с appropriate — «уместно».

- (g) as many have remarked before [8] (3)
— предельно сжатая мысль, требующая пояснения в письменном переводе: «как отмечали многие ораторы, выступавшие до меня» [20] (6); широкий (внеязыковый) контекст позволяет сделать компрессию: «как уже отмечали многие ораторы» [14] (9,12)¹¹
- (h) that it should be the distinguished son of Asia who preside over our deliberations [22] (3) =
«что именно уважаемый сын Азии руководит нашей работой» [22] (9); посинтагменный перевод (с отстаиванием на 1—2 синтагмы) и интонация позволяют сократить эту фразу до «что нашей работой руководит выдающийся сын Азии» [19] (12).

Естественно, что в процессе самого устного перевода, да еще и при убыстренном темпе речи оратора, синхронист не сможет делать такого анализа, да он и не нужен. Данный анализ является лишь попыткой показать процессы, происходящие почти автоматически у опытного синхрониста, подсознательно ведущего корректировку темпа своей речи в зависимости от темпа речи оратора. При замедленном темпе речи оратора вариант устного перевода, по-видимому, сохранит все разъясняющие причастные обороты и придаточные предложения, но при этом переводчик будет вынужден гораздо строже придерживаться порядка слов оригинального сообщения: при замедленном темпе речи оратора посинтагменный перевод будет приводить к неприятным для аудитории паузам в речи переводчика.

Следует, однако, отметить, что замедленный темп, если оратор выступает с заранее заготовленной речью — редкое исключение. Гораздо более типичен при этом ускоренный темп речи¹².

вщем случае лучше отражает реальность: резолюции Генеральной Ассамблеи имеют не обязательную силу, а являются рекомендациями и сильны именно моральным авторитетом данного органа.

¹¹ Ораторы — неизбежное разъяснение слова *mapu*; *before* (означающее выступавшие ранее в прениях) передается *уже*.

¹² С другой стороны, замедленный темп речи, как правило, типичен для неподготовленных кратких выступлений при обмене мнениями по конкретным вопросам (при обсуждении доклада или сообщения, проекта решения или резолюции, при дискуссии по

Итак, проблема компрессии речи, как было показано на примере, это важный, и притом лингвистический, аспект техники и анализа синхронного перевода.

«Сжатие» речи, «выжимание» информации идет: 1) по линии **лексической компрессии**, за счет более экономного употребления лексики и 2) по линии **рационализации синтаксиса перевода**. Последнее особенно важно при переводе с аналитического на флективный язык, например, с английского на русский язык с его падежными окончаниями.

III. Лексическая компрессия

Лексическая компрессия упоминается в литературе по переводу, в частности, в работах Р. К. Миньяр-Белоручева по методике преподавания устного перевода. В применении к последовательному переводу он предлагает «упражнение на трансформацию» (речевую компрессию) типа: словосочетание — слово; распространенное словосочетание — краткое словосочетание;

например: нейтралистская политика — нейтрализм; приветственная речь — приветствие; принимать резолюцию — решать; руководящие деятели — лидеры; принять участие — участвовать и т. п.

Приведем несколько примеров лексической компрессии в англо-русской комбинации синхронного перевода¹³.

- (1) it will be a matter of regret, if... [10] =
= придется лишь сожалеть, если... [9] →
... жаль, если... [3].
- (2) it is a matter of regret, that... [19] =
= приходится сожалеть о том, что... [10] →
к сожалению... [5].
- (3) we owe a debt of gratitude [8] →
мы признательны [5].
- (4) it will be nothing short of a disaster [11] =
= будет не чем иным, как катастрофой [11] →
будет прямой катастрофой [8] →
будет катастрофой [6].

процедурным вопросам и т. п.). Но в этом случае, иными будут и проблемы, стоящие перед синхронистом.

¹³ Примеры приводятся из выступлений делегатов на Генеральной Ассамблее ООН. Первый перевод — отредактированный перевод стажера, далее варианты компрессии.

- (5) in not too distant future [7] =
 = в не слишком отдаленном будущем [10] →
 в близком будущем [5].
- (6) as soon as is practicable [7] =
 = как только это будет практически осуществимо [16] →
 как только представится практическая возможность [15] →
 при первой практической возможности [11].
- Результат в последнем случае: [+4] по сравнению с оригиналом; но [-5] по сравнению с первым вариантом.
- И, наконец, приведем пример лексической компрессии из нашего перевода:
- (7) In congratulating you, Sir, on your elevation to the Presidency of the Assembly [25] =
 = поздравляя Вас, г-н председатель, по поводу Вашего избрания на пост председателя настоящей сессии Ассамблеи [40] →
 поздравляем Вас с избранием на пост председателя Ассамблеи [20].

IV. Упорядочение синтаксиса

Значительные трудности у начинающего и малоопытного переводчика вызывают обычно глагольные формы и конструкции, включая придаточные предложения.

Синтаксические буквализмы в ПЯ наносят большой ущерб качеству оформления речи и приводят к резкому возрастанию слоговой величины выходного сообщения.

Рассмотрим несколько видов типичного синтаксического буквализма.

Первый источник синтаксического буквализма: наличие глагола в форме Past Participle, не находящей себе соответствия в грамматическом оформлении русского эквивалента.

- (1) ... despite the many opportunities missed [11] =
 = несмотря на многие возможности, которые были упущены (утрачены, потеряны) [21] →
 несмотря на упущенные возможности [13].

Последний вариант возможен только при посинтагменном переводе.

- (2) ...Timetable for a supervised phased withdrawal [11] =

= (календарь) расписание контролируемого поэтапного вывода войск [21] →

календарь вывода войск под контролем по этапам [15].

(3) ...negotiated settlement [8] =

= урегулирование на основе переговоров [17] →
мирное урегулирование [11].

Крайне нежелательным является появление синтаксического буквализма в виде пассива после модального глагола:

(4) ...which should be reduced [5] =

= который должен быть сокращен [9] →
который следует сократить [9].

В данном случае, хотя и не получено сокращения слоговой величины, ликвидирован канцеляризм, утяжеляющий устную речь.

(5) ...the present dissentions should be ended [10] =

= существующим разногласиям (расхождениям во взглядах) должен быть положен конец [18] →
следует преодолеть (существующие) разногласия [12 (18)].

(6) ...We think that a cease-fire should be arranged as soon as possible, followed by a conference at which the Vietnamese people will be enabled to work out their own future. [42] =

= Мы считаем, что соглашение о прекращении огня должно быть достигнуто как можно скорее, а за ним должна последовать конференция, на которой вьетнамский народ получит возможность разработать решение вопроса о своем будущем [77] →

Мы считаем, что следует (нужно) срочно договориться о прекращении огня, а затем созвать конференцию, где вьетнамский народ получит возможность решить вопрос о своем будущем [55].

(7) The differences cannot be overcome [11] =

= разногласия не могут быть преодолены [14] →
разногласия разрешить невозможно [12].

Следующую большую группу буквализмов дает перевод определительных и дополнительных придаточных предложений:

(8) ...to give greater practical reality to the principles which are contained in the Charter... [24] =

= полнее воплощать в жизнь принципы, изложенные в Уставе (которые изложены в Уставе) [18 (21)] → полнее воплощать в жизнь принципы Устава [13].

- (9) ...set up the rules and procedures by which... problems may be approached [16] =

= разработать правила и методы, на основе которых можно подходить к решению проблем [29] → разработать правила и методы ... решения проблем [17].

- (10) Overestimation of what the United Nations can achieve [17] =

= переоценка того, что может сделать ООН [14] → переоценка возможностей ООН [11].

Дальнейшими источниками синтаксического буквализма и, следовательно, резервом для компрессии, а также элементом, требующим упорядочивания, являются перевод конструкций с полумодальными или полуслужебными глаголами в сочетании с инфинитивом типа:

- (12) ...may be expected to make a contribution [12] =

= как можно ожидать, внесет вклад [9] → возможно, внесет вклад [6].

- (13) ...could not fail to reflect this crisis [9] =

= не мог не отразить этот кризис [10] → отразил этот кризис [7].

Конструкции этого типа характерны для английской ораторской речи: what I believe to be ...; ... among whom my country is proud to stay,..., etc.

Они имеют различные семантические оттенки с преобладающей модальностью.

И, наконец, последняя конструкция, которую следует упомянуть в этой группе — это инфинитив в функциях предикативного члена и определения. В этих случаях неопределенная форма глагола в русском языке, как правило, не только источник роста слоговой величины, но и стилистически неприемлема. Несмотря на это, она часто встречается среди типичных синтаксических буквализмов у начинающих переводчиков.

Все вышеуказанные примеры путей как лексической компрессии, так и синтаксического упорядочивания, показывают, на наш взгляд, необходимость серьезного лингвистического анализа процессов синхронного перевода в каж-

дой конкретной его комбинации. Примеры, приведенные нами, касались лишь одной комбинации синхронного перевода, но наши наблюдения над русско-английской, франко-русской и некоторыми другими комбинациями, наблюдения разной степени систематичности и детальности — все, без исключения, говорят в пользу таких исследований лингвистической специфики синхронного перевода.

Опыт преподавания, а также наблюдения за начинающими переводчиками в процессе работы показывают наличие тенденции к синтаксическим буквализмам, особенно при работе в англо-русской комбинации. По мере накопления опыта синтаксические буквализмы преодолеваются, но задачей курса синхронного перевода несомненно является разработка упражнений, которые содействовали бы ускорению этого процесса, и во-время, на начальных этапах работы, помогали бы преодолевать эту трудность.

Наблюдения за работой начинающих переводчиков показывают также, что при ухудшении понимания, при ускорении темпа речи оратора, при усложнении ее стиля, т. е. во всех случаях, когда в переводе возникают дополнительные трудности, в первую очередь страдает синтаксис выходного сообщения на русском языке, что, по-видимому, указывает на то, что на начальных этапах (после 4—5 месяцев ежедневной интенсивной тренировки) самоконтроль за синтаксисом, за лексической компрессией — является сознательным процессом, и что когда автоматизм перевода нарушается дополнительными трудностями, требующими активного мыслительного процесса, эффективность самоконтроля за результатом резко падает.

Следовательно, лингвистические исследования не могут не переплетаться в этом случае с исследованиями психологическими.

Даже беглый просмотр приведенных примеров и различных вариантов их перевода не может не наталкивать на вывод о том, что мы до сих пор не располагаем надежными критериями оценки полноты передачи информационного содержания. Подтверждением может послужить хотя бы такой априорный психологический эксперимент: предлагается любому читателю настоящей статьи сравнить свои оценки приведенных вариантов перевода с оценками другого переводчика — они будут различными.

Подводя итог вышесказанному, можно закончить призывом, уже прозвучавшим в статье М. Я. Цвиллинга в № 3 «Тетрадей переводчика»: пора создать научный центр

для экспериментальных исследований синхронного перевода и их прикладных применений, в том числе для разработки научно-обоснованного курса синхронного перевода.

А. Гаврилов
(Москва)

ДВУСТОРОННИЙ ПЕРЕВОД — ВИД УСТНОГО ПЕРЕВОДА?

В настоящее время нередко делят устный перевод на два вида: синхронный и последовательный. Так, если говорение участника коммуникации совпадает по времени с говорением переводчика, то такой вид устного перевода называется синхронным. Если же говорение переводчика следует за говорением участника коммуникации, то в этом случае устный перевод называют последовательным.

Подобная классификация характеризует виды устного перевода только во времени, и не случайно предложивший это деление Жан Эрбер¹⁴ даже не упоминает о таком виде устного перевода, как двусторонний. Ведь двусторонний перевод трудно уложить в рамки предложенной им классификации. В зависимости от предъявляемых требований он может быть по времени оформления и синхронным, и последовательным.

Если по условиям работы важно, чтобы говорение переводчика не совпадало с говорением участников диалога, то в этом случае двусторонний перевод становится последовательным. Если же это условие отпадает, то переводчик может переводить речь участников диалога в то время, когда они говорят. В этом случае двусторонний перевод носит ярко выраженный синхронный характер. Вместе с тем, и в том, и в другом случае он не перестает быть двусторонним.

Необходимо учитывать, что вне зависимости от того, как оформляется двусторонний перевод, последовательно или синхронно, он обладает определенными характеристиками, которые и создают его специфику, отличают его от других видов устного перевода.

Действительно, для характеристики двустороннего перевода мало учитывать только один фактор времени. Как

---

¹⁴ Jean H e r b e r t. Manuel de l'interprète, Genève, 1952, p. 7—8.

переводчику в процессе двустороннего перевода, так и методисту при разработке методики обучения последнему необходимо иметь в виду и некоторые другие факторы, которые влияют на характер аудирования и оформления перевода, фактически выделяют его в особый вид устного перевода.

В профессиональной деятельности переводчика место двустороннего перевода определяется его целью. Эта цель — перевод речи партнеров по диалогу в случаях, когда последние используют разные языковые коды.

В настоящее время он используется в ходе переговоров, встреч, бесед, а также при опросе свидетелей, отвечающих на вопросы на иностранном языке. Очень часто без него не обходятся такие композиционные формы современной устной речи, как пресс-конференция или дискуссия, которые «обычно строятся на многообразном чередовании или смешении, взаимопроникновении элементов разговорного и книжного языка».¹⁵

Двусторонний перевод представляет собой своеобразную форму общения с опосредующим звеном-переводчиком. Наличие этого опосредующего звена может сказаться на речи партнеров по коммуникации. Так, их речь действительно может быть менее спонтанной, чем диалогическая речь в сфере повседневно-бытового общения. С другой стороны, партнеры по коммуникации естественно стремятся приспособиться к связующему звену, т. е. к переводчику. Это обстоятельство также в известной мере отражается на их речи. Однако их речь не перестает от этого быть диалогической. Вот почему двусторонний перевод следует рассматривать прежде всего как перевод такого речевого материала, который отвечает характеристикам диалогической речи. К последним можно отнести: а) ограниченное время для оформления речи; б) спонтанность; в) широкое использование разговорных форм речи; г) часто несовершенную внешнюю форму.¹⁶

«В диалоге, — отмечает В. В. Виноградов, — остро выступает быстрая смена интонаций, пестрое чередование разных форм мелодического движения речи, широко развернутая цепь средств мимической и жестикуляционно-плас-

---

¹⁵ В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 15.

¹⁶ См. Л. П. Якубинский. О диалогической речи. Сб. «Русская речь», Пг., 1923.

тической сигнализации, непосредственный перевод в значение социально-привычных речевых формул.»¹⁷ Кроме того, диалогическую речь отличает также и то, что она является «поддержанной речью, так как речевая деятельность говорящего человека активно поддерживается в этом случае другими участниками разговора...»¹⁸

В ходе двустороннего перевода переводчику бывает необходимо понять и перевести все те речевые формулы, штампы, эллипсисы и даже арготические выражения, которыми пестрит настоящий диалог и которые встречаются независимо от темы общения и в беседе, и на переговорах и отличное знание которых абсолютно необходимо всем тем, кто работает в области устного перевода диалогической речи.

Умение переводить распространенные формулы-клише, разговорные выражения свидетельствует о том, что переводчик знаком с подлинной диалогической речью, с теми ее выражениями, которые по свидетельству Ш. Брюно, не передаются через книгу или с помощью школы, а из уст в уста.¹⁹

Как известно, нормы поведения человека имеют свои языковые соответствия, не обязательно совпадающие у разных народов. Отсюда и задача переводчика: не просто переводить, а научиться в ходе двустороннего перевода пользоваться разговорными выражениями, наиболее соответствующими данной ситуации общения. Знание различных выражений-стереотипов, характерных для диалогической речи, и умение ими пользоваться в процессе перевода позволяет переводчику с наибольшей полнотой оказывать эмоциональное воздействие на слушающего, поскольку адресованный последнему речевой материал сформулирован теми словами, которые сам слушающий привык употреблять в подобных ситуациях.

Кроме того, знание выражений, присущих диалогической речи, знакомство с речевым поведением носителей языка, позволяет понимать последних с полуслова, что, в свою очередь, создает лучшие условия для переводческой

---

¹⁷ В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 19.

¹⁸ А. Н. Леонтьев. Учебник «Психология» под ред. К. Н. Корнилова, Б. М. Теплова и Л. М. Шварца. гл. IX, М., 1941, стр. 212.

¹⁹ См. Ch. Brunot. Préface к кн. M. Thérond. Du tac au tac. P., 1955, p. 6.

деятельности и, в частности, способствует более быстрому оформлению перевода.

Таким образом, в диалогической речи используется целый ряд таких синтаксических конструкций, которые совершенно чужды монологической речи. Наряду с этим в ней, как правило, наличествует значительно больше грамматических ошибок, отклонений от норм языка, чем в монологической речи, особенно подготовленной.

Даже культурная часть общества говорит небезошибочно с точки зрения языка. Как утверждал Л. С. Выготский, «полное устранение несоответствий в пользу общего и безусловно правильного выражения достигается лишь по ту сторону языка его навыков — в математике». ²⁰ То, что с точки зрения языка является ошибкой, может подчас даже иметь и художественную ценность. Это очень хорошо чувствовал А. С. Пушкин, когда писал в III главе «Евгения Онегина»:

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.²¹

А так ли просто уметь понимать диалогическую речь с «грамматической ошибкой»? На этот вопрос трудно ответить утвердительно, поскольку в ходе профессиональной подготовки переводчик знакомится как правило лишь со стерильно правильной речью. Его преподаватели уже в силу необходимости просто обречены говорить только правильно, в учебных звукозаписях он также слышит только правильную речь: это речь дикторов радио и телевидения или речь артистов.

Но ведь такая речь—это в известном смысле речь-эталон. Это редкость. Большинство людей говорит гораздо хуже и понимать их, особенно на слух, бывает значительно сложнее. К. С. Станиславский по этому поводу писал: «... я изучал как себя, так и других и в результате окончательно убедился в том, что всем людям надо вновь посту-

---

²⁰ Л. С. Выготский. Мышление и речь. Избранные психологические произведения. М., 1957, стр. 334.

²¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Полное собрание соч., т. 3, М., 1950, стр. 59.

пать в школу и начинать с азов. Мы не чувствуем своего языка, фраз, слогов, букв и потому легко коверкаем их... Прибавьте к этому оканье, аканье, шепелявость, картавость, гнусавость, взвизгивания, писки, скрипы и всякое косноязычие». ²² Именно исходя из этого, он полагал, что «мы не только на сцене, но и в жизни говорим пошло и безграмотно». ²³

Отметим сразу, что эта нелестная характеристика относится не только к носителям русского языка. За рубежом дело обстоит не лучше. Говоря о культуре речи французов, А. Соважо отмечает, что французский язык «правильно и чисто употребляется лишь теми, кто, вне зависимости от социальной принадлежности, получил довольно солидное образование» ²⁴. Этому же мнения придерживался и Антуан Мейе, который отмечал, что правильно французским разговорным языком «могут пользоваться лишь те, кто достиг высоких ступеней культуры». ²⁵ О том же, как говорит большинство людей, мы читаем в вышедшей в Париже монографии «Phonétique et phonation»: «У большинства людей речь предшествует мысли. Они узнают, то, что они думают, только после того, как они услышат то, что они сказали». ²⁶ И это справедливо прежде всего для диалогической речи.

Вот почему мы считаем, что для успешного осуществления двустороннего перевода необходимо предварительное знакомство с речью самых разнообразных носителей языка, а не только с речью тех, кто представляет, если можно так выразиться, его языковую элиту.

Говоря о неправильной речи, мы хотели бы остановиться на эксперименте, который мы проводили на III курсе переводческого факультета. Эксперимент позволил нам установить, что восприятие неправильной речи на родном языке существенно отличается от восприятия неправильной речи на иностранном языке. В самом деле, восприни-

---

²² К. С. Станиславский. Работа актера над собой. Собр. соч., т. 3, М., 1955, стр. 69.

²³ К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. Собр. соч., т. I, М., 1954 г., стр. 368.

²⁴ A. Sauvageot. Les procédés expressifs du français contemporain. P., 1957 стр. 218.

²⁵ A. Meillet. Les langues dans l'Europe moderne. Paris, 1918, p. 214.

²⁶ A. Mollès, B. Valancien, etc. Phonétique et phonation. P., 1966, p. 2.

мая родную речь, наши учащиеся имеют тенденцию как бы «пропускать мимо ушей» все повторы, слова-паразиты и т. п. явления. При этом это происходило даже тогда, когда мы их специально просили фиксировать эти слова, а сами слушатели имели возможность многократно прослушать каждую произносимую фразу. При восприятии неправильной речи на французском языке мы наблюдали иную картину: ошибки в речи говорящего приводили к ошибкам в понимании аудируемого речевого материала или даже просто к непониманию.

Предъявлявшиеся испытуемым образцы французской спонтанной диалогической речи содержали в себе не только некоторые мысли говорящего лица, но, по своей сути, представляли собой поиски наиболее адекватной формы выражения. Неумение видеть в этих поисках особую функцию диалогической речи, приводило к тому, что будущие переводчики переставали понимать говорящего, не улавливали логики его сообщения. Слишком привыкли они к хорошо подготовленной монологической речи, которая отличается законченностью выражений, четкостью определений и часто отсутствием какой бы то ни было спонтанности.

Отсюда вывод: в процессе двустороннего перевода переводчик должен уметь понимать речь не только с различного рода синтаксическими конструкциями, присущими диалогической речи, и прежде всего эллиптическими оборотами, но также и с теми типичными языковыми ошибками, которые допускают носители языка в ходе диалога.

В процессе диалога его участники совершают речевые поступки, которые изменяют исходную ситуацию общения, и задача переводчика состоит в том, чтобы адекватно передать средствами языка слушающего суть речевого поступка говорящего. Поскольку партнеры по коммуникации постоянно меняются ролями, то и переводчику постоянно приходится менять направление переводчика. Это обстоятельство уже само по себе чревато для переводчика дополнительными трудностями. В связи с этим О. С. Ахманова совершенно справедливо отмечает, что, если переводчик часто переводит в двух направлениях, то ему грозит опасность «постепенно утратить способность к различению медиационных процессов, свойственных каждому из языков, и все больше смешивать особенности двух языков при кодировании. Иными словами процесс двустороннего пере-

вода имеет тенденцию превращать систему соотношенную и комбинированную». ²⁷

Это «коварство» двустороннего перевода обязательно нужно иметь в виду. В самом деле, процесс двустороннего перевода является своеобразным «вредным производством», в ходе которого навык переключения действует в сложных условиях, когда переводчику необходимо нейтрализовать влияние двух языков. «Постоянные изменения направления переключения, — пишет в связи с этим Р. К. Миньяр-Белоручев, — предполагают специальную работу над нейтрализацией влияния двух языков, которое проявляется в языковых буквализмах, искусственных конструкциях, фрагментарной речи». ²⁸

Резюмируя вышеизложенное, мы можем сделать вывод о том, что двусторонний перевод, как вид профессиональной деятельности переводчика, следует отличать от других видов устного перевода в силу его специфики. Эта специфичность двустороннего перевода определяется прежде всего двумя особенностями. Во-первых, в отличие от других видов устного перевода, имеющих дело с монологической речью, чаще всего заранее подготовленной, двусторонний перевод — это перевод спонтанной диалогической речи со всеми вытекающими из этого последствиями; во-вторых, постоянные изменения направления переключения требуют от переводчика умения нейтрализовать влияние не одного, а двух языков при кодировании.

---

²⁷ О. С. А х м а н о в а. О психолингвистике. М., 1965, стр. 39.

²⁸ Р. К. М и н њ я р-Б е л о р у ч е в. К вопросу о построении курса устного перевода. «Иностранные языки» сб. статей, № 1, М., 1965, стр. 199.

IV. ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

И. Гендлина
(Москва)

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ В ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Im Gegensatz zur spanabhebenden Formgebung wird das Werkstück beim Schmieden durch spanlose Formgebung in die gewünschte Form gebracht.¹

Смысл фразы не представляет затруднений. Но каков же должен быть технически грамотный перевод? В «Немецко-русском политехническом словаре» (изд. 1963 г.) находим:

spanabhebend	снимающий стружку, (металло)режущий
die Formgebung	придание формы, оформление, обработка (для придания формы), пласт. формирование

Как же перевести spanabhebende Formgebung? *Металлорежущая обработка? Оформление, снимающее стружку?*

Нет, на русском языке имеются совершенно определенные эквиваленты:

spanabhebende Formgebung	обработка резанием, механическая обработка
spanlose Formgebung	обработка давлением

Очевидно, и в немецком, и в русском языке мы имеем здесь дело с терминами, но особого рода — с терминами-сло-

---

¹ Примеры взяты из статей, помещенных в журналах „Der Maschinenbau“, „Maschinenbautechnik“ (ГДР); „Draht“, „Werkstatt und Betrieb“, „Maschinenmarkt“, „Werkstattstechnik“, „Blech“ (ФРГ) „Technische Rundschau“ (Швейцария) и др. за 1964—1965 гг.

восочетаниями или иначе терминологическими устойчивыми сочетаниями (ТУС).

Как отмечает Э. Ф. Скороходько², основную массу английских терминов составляют сложные слова и устойчивые словосочетания. Для лексического состава немецкого языка, как известно, характерен большой удельный вес сложных слов — по сравнению, например, с русским, где понятие, выраженное в немецком детерминативным сложным словом, обычно выражается именным (атрибутивным) словосочетанием. Процент сложных слов — терминов также очень высок в немецком языке.

Однако, для немецкой технической речи характерно и наличие большего количества ТУС.

В языке технической литературы мы встречаем любые структурно-семантические типы устойчивых словосочетаний:

фразеологические единства:

ab Ring arbeiten   работать от бунта, рулона

и фразеологические сочетания:

pneumatisch gesteuert   с пневмоуправлением

elektrisch gesteuert   с электроуправлением

hydraulisch gesteuert   с гидроуправлением

и даже, хотя и значительно реже, фразеологические сравнения:

Malteser Kreuz   мальтийский крест (*тип передачи*)

das abgewrackte Auto   остов автомобиля

По своей грамматической структуре ТУС весьма разнообразны. Несмотря на высокий удельный вес сложных слов в терминологии, о котором говорилось выше, мы встречаем среди ТУС целый ряд атрибутивных словосочетаний:

enge Toleranzen	жесткие допуски
spanlose Formgebung	обработка давлением
das nachträgliche Justieren	точная (или окончательная) настройка
die selbsttätige Fertigung	автоматическое изготовление

² Э. Ф. Скороходько. Вопросы перевода английской технической литературы. Киев., Изд.-во Киевского университета, 1960.

в том числе и обороты с несогласованным определением:

Lebensdauer der Werkzeuge	стойкость инструмента
das Festklemmen der Stanzwerkzeuge	заклинивание штампа
der Gegenschlaghammer mit hydraulischer Kuppelung	бесшабатный молот с гидравлической связью баб

Очень распространены среди ТУС предикативные сочетания из глаголов и дополнений или глаголов и предложных конструкций:

Gewinde formen	накатывать резьбу
Gewinde schneiden	нарезать резьбу
die Antriebskraft erzeugen	приводить
in Betrieb nehmen	вводить в действие, пускать в производство, сдавать в эксплуатацию
außer Betrieb setzen	отключать

Многочисленны словосочетания с lassen:

sich mit etw. überwachen lassen	быть контролируемым с помощью...
sich schnell umstellen lassen	быть быстроперенастраиваемым
sich korrigieren lassen	быть регулируемым

а также конструкции прилагательного с наречием:

einzelnen verstellbar (sein)	(быть выполненным) с индивидуальной регулировкой
gleichzeitig wirksam	одновременного действия

Интересно проследить некоторые закономерности перевода немецких ТУС на русский язык. Анализируя типы закономерных соответствий, Я. И. Рецкер³ отмечает, что при переводе терминов переводчик пользуется, главным образом, эквивалентами — то есть «постоянными равнозначными соответствиями, для данного места и времени уже не зависящими от контекста». Он не упоминает, однако, о существовании терминов — фразеологизмов (или

³ Я. И. Рецкер. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык. Сб. «Теория и методика учебного перевода», М., 1950.

ТУС). При переводе же фразеологизмов языка художественной литературы, по Рецкеру, используются, в основном, адекватные замены.

Анализ перевода технической литературы показывает, что при переводе ТУС возникают серьезные трудности. Они обусловлены тем, что термину этого типа присуще основное свойство всякого устойчивого словосочетания вообще, — его значение не является простой суммой значений его компонентов, не выводится из их значений непосредственно.

„Stehende Verbindungen haben oft eine speziellere Bedeutung, die aus den Gliedinhalten nicht herauszulesen ist.“⁴ С другой стороны, переводчик технической литературы не имеет права исходить, как это делается при художественном переводе фразеологизмов, «из содержания, идейной направленности и стиля подлинника»⁵. Нет, термин — фразеологизм, то есть ТУС, должен быть непременно переведен эквивалентом, постоянным равнозначным соответствием, так как и в немецком, и в русском языке «термины моносемичны в пределах данного терминологического поля, то есть данной терминологии»⁶.

Так, оборот Kraft erzeugen ни в каком случае не может быть переведен как *производить силу* или *создавать силу*, а лишь единственным эквивалентом *развивать усилие*. При переводе же оборота einzeln getippt werden мало помогут три найденные в словаре значения слова tippen: (I — *печатать на машинке*, II — *касаться пальцем*, III — *предполагать*); он значит ‘иметь индивидуальную наладку’ (этимологически этот перевод как раз восходит ко II значению слова tippen: при наладке станка, пресса и т. д. наладчик, поочередно нажимает на кнопки, включающие системы управления различными функциями машины). То же отмечает R. W. Jumpelt:

„Bei der Übersetzung der komplexen Sinneinheiten ist es mehr oder weniger belanglos, ob jedoch die wörtlichen Bedeutungen übereinstimmen oder nicht.“⁷

Попробуем выявить закономерности перевода с немецкого на русский некоторых моделей ТУС.

⁴ R. W. Jumpelt. Die Übersetzung naturwissenschaftlicher und technischer Literatur. Berlin-Schöneberg, 1961.

⁵ Я. И. Рецкер, цит. соч.

⁶ А. А. Реформатский. Что такое термин и терминология. М., 1959.

⁷ R. W. Jumpelt, ibid.

Широко распространена в немецкой технической речи модель Partizip II + Adverb — типа *hydraulisch betrieben*. Обороты эти могут выполнять в предложении различные функции: согласованного определения, предикатива в глагольном сказуемом со связкой *sein* или *werden*. Следует, однако, заметить, что ни в одном из вариантов эта модель не может быть переведена на русский соответствующим страдательным причастием с наречием, то есть нельзя перевести *hydraulisch betrieben* как *гидравлически приводимый*.

При использовании модели Partizip II + Adverb в качестве согласованного определения она переводится на русский предложной конструкцией, то есть в русской фразе определение будет несогласованным:

Der Werkstoff fließt kontinuierlich, bis er in eine Mulde am Ende der **hydraulisch betriebenen** Horizontalpresse fällt.

Die Schmiedepresse hat 3 **hintereinander geschaltete** Druckzylinder von etwa 600 mm.

Die größeren Modelle besitzen **hydraulisch betätigte** Bandbremsen.

Die Erfindung bezweckt, diese Nachteile durch eine **elektrisch gesteuerte und magnetisch betätigte** Vorrichtung zu vermeiden.

Материал поступает непрерывным потоком в приемник горизонтального пресса с гидроприводом.

Пресс имеет 3 рабочих цилиндра с последовательным включением, диаметром около 600 мм.

Более тяжелые модели оснащены тормозами с гидроуправлением.

Изобретение имеет целью преодоление указанных недостатков за счет применения устройства с электроуправлением и магнитным включением.

Аналогично переводится целый ряд подобных оборотов:

hydraulisch gekuppelt
hydraulisch hochgespannt
manuell gestartet
nachstellbar geführt

parallel geschaltet

с индивидуальной наладкой

с гидравлической связью
с гидравлическим сжатием
с ручным включением
с регулируемым направлением (или с регулируемыми направляющими)

с параллельным включением

pneumatisch beschleunigt	с пневматическим ускорением
pneumatisch geklemmt	с пневматическим зажатием (или зажимом)
oben od. unten stillgesetzt	с верхним или нижним остановом
selbständig angetrieben	с индивидуальным приводом

Когда те же самые обороты играют в предложении роль предикатива, а в качестве связи выступает глагол sein, то при переводе мы можем использовать в русском языке ту же предложную конструкцию «с + творительный падеж» и перевести связку sein словом *выполнен*, или конструкцию «имеет + именное атрибутивное сочетание»:

Das Gesenk ist senkrecht geteilt	Штамп выполнен с вертикальным разъемом матриц.
Der Messerbalken ist in Pleueln gelenkig aufgehängt.	Ножевая балка выполнена с шарнирной подвеской к шатунам.
Diese Maschinen sind alle elektrohydraulisch gesteuert.	Все машины выполнены с электрогидравлическим управлением.
Das zweite Aggregat ist durch Führungsschienen in Querrichtung verschiebbar angeordnet.	Второй агрегат имеет возможность горизонтального перемещения в направляющих.
Teilungs- und Preßvorgang sind zwangsläufig gesteuert.	Процессы резки и прессования имеют индивидуальное управление.

Заметим, что во всех рассмотренных примерах мы имеем дело с переходными глаголами (от которых образован Partizip II) как заключающими, так и не заключающими понятие предела в самой своей семантике. Сказуемые в приведенных предложениях имеют значения или состояния (1, 2, 4 предложения), или совершенного действия при пассивном подлежащем (3, 5 предложения). Конструкция же werden + Partizip II имеет всегда также «значение процесса или законченного совершившегося действия...». В значении совершенного пассивного действия конструкция sein + Partizip II может рассматриваться как под-

вид Passiv с werden⁸. Поэтому при переводе словосочетаний, аналогичных рассмотренным выше и выполняющих роль предикатива при связке werden, мы получаем на русском языке ту же самую модель, что и при переводе сказуемого sein + Partizip II. Рассмотренные выше сочетания Partizip II + Adverb, а также Partizip II с предложно-именным сочетанием с von или durch также переводятся моделью «с + творительный падеж» или атрибутивным именным сочетанием в винительном падеже, а связка werden — словами *выполнен* или *имеет*:

Diese Einrichtung werden
durch einen Motor angetrieben,
der von der Stanzmaschine **elektronisch gesteuert** wird.

Der mechanische Niederhalter wird von Kurven der beiden Exzenter **voreilend gesteuert**.

Die Ausgangs- und Endstellung des Stempels wird **hydraulisch geregelt**.

Der Vorschub von Gravur zu Gravur und die Drehung um 90° werden ebenfalls **hydraulisch bewirkt**.

Der exzentergesteuerte Auswerfer wird **gleichmäßig beschleunigt** und gegen Ende des Hubes **verzögert**.

Die Mittelwalze wird... **maschinell verstellt**.

Durch die im Schwungrad eingebaute Rutschkupplung wird die Maschine **vor Überlastung geschützt**.

Приспособления выполнены с приводом от электродвигателя, имеющего **электронное управление** от пресса.

Механический прижим имеет **управление с опережением** от кулачков обоих эксцентриков.

Пуансон выполнен с **гидравлическим регулированием** начального и конечного положения.

Операции передачи заготовки из ручья в ручей и поворота на 90° имеют также **гидравлический привод**.

Управляемый от эксцентрика **выталкиватель** имеет **равномерное ускорение и выдержку** в конце хода.

Средний валок выполнен с **механической регулировкой**.

Машина выполнена с **предохранением от перегрузки** с помощью встроенной в маховик муфты проскальзывания.

⁸ Е. А. Коленько. Конструкция sein с причастием II в современном немецком литературном языке. Канд. диссертация.

Отдельно следует рассматривать устойчивые словосочетания, построенные по той же грамматической модели Partizip II + Adverb или Partizip I + Adverb, в которых Partizip образован от глаголов со значением 'действовать', 'размещать', 'устанавливать' и т. п. При переводе оборотов с такими причастиями на русский само причастие вообще опускается:

Gesteuert wird die Anlage von einem **zentral angeordneten** Schaltpult aus. Nachdem sich solche **vollautomatisch und mehrstufig arbeitende** Pressen in Warmpressbetrieben bewährt hatten...

Die eingebaute elektronische **digital arbeitende** Genauschmiedeeinrichtung steuert die Presse selbsttätig.

Hierbei ist der Ständer auf einem Unterbau **drehbar aufgesetzt**.

Die Druckklötze sind höhenverstellbar und **federnd gelagert**.

Die Ziehringe sind auf einer Anzahl **senkrecht stehender** Platten befestigt.

Die ... Tafelschere hat einen auf 2 Exzenterzapfen **schwingend gelagerten** Obermesserhalter.

Управление установкой осуществляется с **центрального** пульта.

После того как такие **автоматические многопозиционные** прессы хорошо зарекомендовали себя в горяче-штамповочных цехах...

Пресс выполнен с автоматическим управлением от встроенной системы электронного **цифрового** управления.

Станина при этом выполнена **вращающейся** на основании.

Зажимные колодки выполнены **подпружиненными** и регулируемыми по высоте.

Вытяжные матрицы укреплены на нескольких **вертикальных** пластинах.

Гильотинные ножницы оснащены **поворотным** в эксцентриковых втулках держателем верхнего ножа.

Следует отметить, что в отраслевых словарях, например, в «Немецко-русском политехническом словаре», изд. 1963 г., и в «Немецко-русском словаре по металлообработке», изд. 1957 г., (это два наиболее новых словаря, которыми, в основном, пользуются при переводе машиностроительных текстов) перевод терминологических устойчивых сочетаний занимает самое незначительное место, причем в них

дается перевод лишь именных атрибутивных словосочетаний.

Пользуясь этими словарями, нельзя, например, правильно перевести даже такие «классические», обладающие большой частотностью употребления устойчивые словосочетания, как *Kraft erzeugen* или *den Druck ausüben*.

Интересно, что в «Словаре по металлообработке» к слову *ausüben* дается перевод *производить* (напр. *давление*). Перевод этот явно неудачен, так как в русском языке нет термина *производить давление*, а имеются устойчивые словосочетания *создавать давление* и *прилагать, прикладывать давление*.

В «Немецко-русский фразеологический словарь» под ред. Биновича терминологические устойчивые сочетания, по вполне понятным причинам, вообще не включены.

Нами был проанализирован перевод устойчивых словосочетаний лишь одной модели. Область терминологической фразеологии вообще очень мало исследована, и даже самый беглый взгляд позволяет выявить в ней ряд интересных проблем: например, проблема полисемии терминологических устойчивых сочетаний; или такой вопрос — в каком случае одни и те же понятия выражаются атрибутивным именным словосочетанием, а в каком — сложным словом? Эти вопросы, как и десятки других ждут своего решения.

Б. Кокорев
(Москва)

ALGUNOS PROBLEMAS DE LA FORMACIÓN DE LOS TÉRMINOS EN EL CONTACTO DE TRADUCCIÓN

En nuestro tiempo se desarrollan rápidamente todas las ciencias técnicas causando el crecimiento enorme del léxico terminológico. Los términos nuevos aparecen cada día y recurriendo a los diccionarios que los traductores deben consultar para verificar los términos, ellos no encuentran las palabras a traducir. Este fenómeno no se explica sólo con mala voluntad y trabajo lento de los autores de diccionarios terminológicos sino que es resultado y producto del desarrollo violento del léxico terminológico.

Después de consultado el diccionario, en caso de no en-

contrar la palabra necesaria el traductor tiene que buscar la palabra en cuestión leyendo la literatura científica y técnica de campos idénticos del ruso y castellano. Siendo inútil esta búsqueda, el traductor consulta los diccionarios y la literatura en inglés y francés (alemán, italiano o portugués) para localizar la palabra necesaria y traducirla.

Al haber agotado todos los medios el traductor recurre a la formación de un término adecuado, introduciendo de este modo un término nuevo en el idioma de traducción. Así, merced al trabajo de los traductores se forma un arsenal de medios y palabras que facilita la traducción y que no existía antes del contacto de traducción de las lenguas en cuestión.

Para explicar el proceso de la formación de este arsenal de palabras nuevas citaremos algunos ejemplos como los traductores han formado nuevos términos en castellano, traduciendo los textos técnicos del ruso al español.

Hace tiempo surgió la necesidad de traducir el término ruso «строительная горизонталь» en aviones y otros ingenios que es el eje X del cual se determinan otras dimensiones del ingenio en cuestión. Algunos traductores, sin pensar mucho en el sentido de la palabra, ofrecieron el término «horizontal constructiva» que apareció en ciertos libros. Otros traductores, consultando los libros técnicos en inglés, encontraron el término «datum line» o «reference line» que tiene sentido similar al término ruso «строительная горизонталь». En el diccionario inglés-español se explica que el término inglés «datum line» corresponde al término español «línea de referencia». De esta manera se puede comprobar que el término ruso «строительная горизонталь» tiene término español adecuado «línea de referencia». Así, ha surgido el término nuevo en castellano facilitando la traducción del término ruso «строительная горизонталь».

Al traducir la descripción técnica de un computador los traductores no encontraron en castellano ninguna palabra equivalente al término ruso «разряд». Entonces algunos traductores ofrecieron la palabra «orden» que significa arreglo de cifras en la palabra de la memoria del computador y que no refleja la idea de una parte mínima de la información. Entonces una frase rusa... «ЗУ (запоминающее устройство) 40.000 слов из 20 разрядов» se traducía «... la memoria de 40.000 palabras de 20 órdenes». Otros traductores ofrecieron usar en este caso la palabra «bit» que no reconocen los diccionarios españoles pero que ha entrado en todas

las lenguas de Europa y América. En el ruso existen dos términos «бит» y «разряд». A pesar de esta condición los traductores insistían en usar la palabra «bit» diciendo que en ruso la palabra «бит» apareció gracia al trabajo de los traductores y la palabra «разряд» fue introducida por los especialistas electrónicos. Así, la frase arriba mencionada se traducía «... la memoria de 40.000 palabras de 20 bits». Pasaron años y en los libros españoles apareció la frase «... la memoria del 3.800 palabras de 20 bits». Es decir, la vida ha mostrado la verdad y ahora se puede decir que la palabra «разряд» corresponde al término castellano «bit» en el campo terminológico de computadores.

Este hecho indica que las dificultades en la traducción de ciertos términos son una categoría histórica y que ellas desaparecen gracias al contacto de traducción de las lenguas.

Ahora es difícil traducir el término ruso «дирекционный угол» que se usa ampliamente en artillería, topografía, navegación, etc. Los diccionarios técnicos ruso-español dan muchos ángulos pero sigue ausente el ángulo en cuestión. El procedimiento del cálculo de datos de tiro y la designación de objetivos muestran que los artilleros españoles utilizan el ángulo de orientación que corresponde al término ruso «дирекционный угол». En Cuba los especialistas usan el término «ángulo de cuadrículado» o «ángulo de cuadrícula», tomando en cuenta que este ángulo viene formado por la línea vertical Norte de la cuadrícula del mapa militar y la dirección al objetivo, y leído en sentido horario. Algunos traductores siguen utilizando erróneamente el término «ángulo direccional» que desde luego comprenden los cubanos.

Hace tiempo ciertos especialistas tradujeron mal el término ruso «целеуказание» introduciendo el término «indicación de objetivos» aunque los Reglamentos de Artillería antiguos en Cuba y contemporáneos en España tienen el término reconocido «designación de objetivos» pero ahora en Cuba queda reconocido el término «indicación de objetivos» y en España siguen utilizando el término viejo «designación de objetivos» y ambos términos corresponden al término ruso.

Los hechos citados permiten ver el proceso de la formación de términos en el contacto de traducción de las lenguas rusa y española. El último hecho comprueba a veces el error de traductores, que son según el proverbio traidores, crea un sinónimo del término que no es necesario ya que existía otro término pero desconocido a los traductores. Desde luego el

término «indicación de objetivos» lo introdujeron los traductores españoles y a mi parecer conservaron este error desde los tiempos de la Guerra Civil en España. Y ahora este término no es un error en Cuba y debe ser reconocido por los autores del diccionario español-ruso.

Г. Савельева
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И ИХ УЧЕТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Научный стиль и, в частности, стиль французских научно-технических текстов отличается, как известно, особой языковой структурой, специфику которой необходимо учитывать при переводе.

Между тем этому важному аспекту технического перевода — его лингвистическому аспекту — уделяется, на наш взгляд, недостаточное внимание в литературе по французскому техническому переводу и в специальной учебной литературе.

Авторы имеющихся пособий (из них наиболее значительным и полным является книга А. В. Коржавина «Пособие по техническому переводу с французского языка на русский» М., 1967) ограничиваются составлением словаря терминов по каждому разделу пособия и отдельными методическими рекомендациями о пользовании справочной литературой.

Безусловно, знание терминологии и умение обращаться со специальной литературой являются важными составными частями работы технического переводчика.

Тем не менее не следует недооценивать языковые особенности технических текстов, перевод которых бывает связан с не меньшими трудностями, чем перевод терминологии.

Данная статья ставит своей задачей рассмотреть некоторые особенности языка французских и русских технических текстов в связи с вопросами перевода.

Анализ проводится на материале текстов по электронике, вычислительной технике и машинному переводу; в работе использовались французские источники и переводы, а также материал энциклопедии «Автоматизация производства и промышленная электроника» (М., 1962—1965 гг.).

Выбор названной тематики объясняется тем, что словарь терминов по электронике не получил еще достаточной систематизации, а также тем, что изучение используемых в языке этой новой науки лингвистических средств позволит в какой-то степени проследить за некоторыми тенденциями развития научного стиля на современном этапе.

Анализ нижеприводимого текста показывает, с какого рода лингвистическими явлениями приходится сталкиваться при переводе технических материалов и, в частности, текстов по вычислительной технике:

«Вычислительная машина — машина для автоматизации процесса вычислений (обработки информации). Области применения В. М.: выполнение научно-технических расчетов, обработка экономической информации, управление реальными процессами, решение логических задач (перевод с одного языка на другой, машинный перевод), моделирование реальных процессов.» (Цитируется по энциклопедии «Автоматизация производства и промышленная электроника», М., 1962, т. I, стр. 185).

Перевод первого словосочетания — вычислительная машина — связан с явлениями двойного порядка: 1) с терминологическим обозначением называемого вида машин — вычислительных и 2) с более широкой проблемой — системой моделей (структур) для обозначения машин во французском техническом языке.

Термин — вычислительная машина — может быть переведен следующими эквивалентами: *calculatrice électronique*, *machine à calculer*, *calculateur*. Для обозначения вычислительной машины в настоящее время употребляется также термин *ordinateur* (его точное значение — цифровая вычислительная машина).

На примере обозначения вычислительных машин и других видов машин можно сделать некоторые обобщения в отношении употребляемых во французском языке средств для обозначения машин.

Прежде всего это — морфологические средства, к которым относятся специальные суффиксы. При переводе следует обратить внимание на явление специализации значения суффиксов, т. к. неучет дифференциации суффиксов, предназначенных, в частности, для обозначения ма-

шины в целом и отдельных её частей, приводит иногда к ошибкам.

Во французском языке машины обозначаются преимущественно при помощи суффиксов женского рода, из которых наиболее распространенными являются суффиксы **-euse**, **-trice**, характеризующийся (каждый) своей сферой употребления.

Так, суффикс **-euse**, употребляемый для обозначения станков (машиностроение): *aléuseuse сверлильный, расточный станок*, *fraiseuse фрезерный станок*, *rectifieuse шлифовальный станок*, *raboteuse строгальный станок*, не употребляется для обозначения машин в вычислительной технике, где из названных двух суффиксов употребляется суффикс **-trice**, по аналогии с *calculatrice*, например, *traductrice électronique*, *perforatrice*.

Для обозначения отдельных элементов и блоков машины, а также разного рода устройств во французском языке употребляется суффикс **-eur**, например, *capteur* — датчик, *distributeur* — распределитель, что нашло свое отражение и в терминологии по вычислительным устройствам, где суффикс **-eur** особенно употребителен: *calculateur* — счетно-решающее устройство, *simulateur* — моделирующее устройство, *décodeur* — дешифратор, декодирующее устройство, *enregistreur-récepteur* — перезаписывающее устройство.

Наименования машин могут выражаться и синтаксическими средствами, при помощи определенных типов атрибутивных словосочетаний. Из них следует выделить именные словосочетания с предлогом **de**, типа *dispositif de chiffage*, главная часть которых выражается существительными типа *dispositif*, *machine*, *système*, зависимая — отглагольным существительным, называющим вид операции, для которой предназначается машина (*dispositif de lecture* — читающее устройство).

Зависимый член — предлог **de** и отглагольное существительное — соответствуют в русском языке отглагольному прилагательному или причастию.

Ср.:

dispositif de recherche
dispositif de commande

поисковое устройство
управляющее устройство

Однако наиболее емкой синтаксической моделью обозначения машин является именное словосочетание с зависимым инфинитивом, присоединяемым предлогом **à**, типа *dispositif à chiffrer*.

Этот способ обозначения машин является одним из наиболее употребительных:

machine à identifier	узнающая машина
machine à trier	сортировальная машина
machine à calculer	вычислительная машина

Нетрудно обнаружить семантический параллелизм указанных трех моделей: *chiffreur* — *dispositif de chiffage* — *dispositif à chiffrer*, где суффиксу *-eur* соответствует его лексический эквивалент *dispositif*, основе слова — *chiffr(eur)* соответствует отглагольное существительное или инфинитив *chiffage*, *chiffrer*:

chiffr-eur — *dispositif de chiffage* — *dispositif à chiffrer*,

в силу чего названные модели обозначения машин (морфологические и синтаксические) могут рассматриваться как синонимичные, что следует использовать при переводе.

Из имеющихся моделей обозначения машин следует отметить также словосочетания с зависимым членом — отглагольным прилагательным и синонимичное ему словосочетание с отглагольным существительным, вводимое предлогом *à*:

machine enseignante	обучающая машина
machine à apprentissage	обучаемая машина
système auto-adaptatif	самоприспосабливающаяся
à auto-adaptation	система
simulateur auto-régleur	самонастраивающаяся модель
à auto-organisation	самоорганизующаяся
système à auto-apprentissage	модель
	самообучающаяся система

Следует отметить явление специализации значений предлогов *de* и *à* при обозначении машин.

Выше уже отмечалось, что предлог *de* может вводить отглагольное существительное, обозначающее назначение машины (*dispositif de chiffage*). Предлог *à* вводящий именное существительное (ср. значение предлога *à*, вводящего отглагольное существительное и инфинитив, см. примеры выше), дает как бы качественную характеристику машины или ее частей, по одному из ее признаков:

calculatrice à claviers	вычислительная машина
	клавишная

calculatrice à deux adresses
calculatrice à bandes perforées
machine à instructions
machine de commande

двухадресная машина
перфорационная вычислительная машина
командная машина (ср. с управляющая машина)

Вопрос о суффиксальной дифференциации встает и при переводе терминов, обозначающих действие, в частности, на анализируемом материале, при переводе слова — *управление* (см. текст «управление реальными процессами»).

Существует несколько эквивалентов для перевода слова *управление* *commande* (f), *contrôle* (m), *réglage* (m), *conduite* (f), *guidage* (m), *pilotage* (m). Термины с суффиксом **-age** обозначают во французском языке, как правило, отдельную операцию, поэтому они не могут быть употреблены для перевода термина — *управление* в словосочетании: наука об управлении. Например: «Кибернетика — наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах»; эквивалентом для *управление* будет термин *commande*: «La cybernétique est la science de la commande et des communications dans la machine et les êtres vivants».

Суффикс **-age** обозначающий конкретный вид операции (например, «управление автоматизированных систем» — *réglage automatique, conduite des systèmes ...*) противопоставляется суффиксу **-ation**, обозначающему процесс. Это противопоставление нашло свое отражение и в анализируемой терминологии:

programmation	программирование
algorithmisation	алгоритмизация
simulation	моделирование ⁹
identification	распознавание

Конкретные операции, например, процесса программирования обозначаются при помощи суффикса **-age**: *кодирование* — *codage*, *декодирование* — *décodage*.

Такова, конечно, далеко не полная характеристика терминологической суффиксации (обозначение вычислительных машин и действия — процесса и операции)¹⁰,

⁹ Лингвистический термин «моделирование», например, «грамматическое моделирование» переводится во французский лингвистике термином *modèlement*.

¹⁰ О лингвистической и семантической специфике французской терминологии в сопоставлении с русской см. В. Г. Гака. Беседы о французском слове. М., 1966.

знание основных черт которой может способствовать более сознательному усвоению самой терминологии и установлению правильных эквивалентов при переводе.

Поиск эквивалентов для следующих терминов из вышеприводимого текста («машин для автоматизации процесса вычисления», «обработка информации», «машинный перевод») связан также с некоторыми особенностями современного французского языка.

Сейчас многие исследователи отмечают все большее распространение во французском языке способа «адъективации»,¹¹ то есть замену предложного существительного прилагательным, например:

lois mécaniques (lois de la mécanique)	законы механики
évolution industrielle (évolution de l'industrie)	развитие промышленности

Надо отметить, что этот способ обозначения характерен также и для рассматриваемой терминологии, сравните:

автоматизация производственных процессов —
наряду с *automatisation de production, automatisation des processus industriels* — *automatisation industrielle*

информационный поиск — наряду с *recherche de documentation informationnelle* — *recherche documentaire*

Интересно отметить при этом, что быть «адъективированным», т. е. прилагательным может быть не обязательно предложное существительное, выполняющее функцию определения, но и существительное, от которого оно зависит.

В этом отношении показателен перевод термина — автоматизация информационных работ, — который имеет во французском языке оба вида «адъективации», то есть в качестве прилагательного выступают как зависимое существительное с предлогом (1) так и главное, сравните:

автоматизация информационных работ	<i>automatisation de documentation</i>
	<i>automation documentaire(1)</i>
	<i>documentation automatique (2)</i>

¹¹ См. Ю. С. Степанов. Французская стилистика, М., 1965.

Этой же особенностью характеризуется и термин «автоматизация процесса вычислений», в сочетании «машина для автоматизации процесса вычислений», что и используется при переводе, где русское отглагольное существительное *автоматизация вычислений* заменяется прилагательным *calculs automatiques*, сравните возможные переводы *la machine pour l'automatisation des calculs — la machine de calculs automatiques*.

Следующий термин — *машинный перевод* — имеет несколько эквивалентов *traduction automatique, traduction mécanique, machine à traduire, traduction par machine* (ироническое *traduction presse-bouton*).

Небезынтересно проследить становление этого термина, оно довольно показательно с точки зрения выявления «устойчивости» средств словообразования в области французской терминологии и степени подверженности терминологии английскому влиянию.

В этой связи крупный французский лингвист Ж. Мунэн, автор книги «Машинный перевод» («*La Machine à traduire*», The Hague, 1964), а также известной книги «Теоретические проблемы перевода» («*Les problèmes théoriques de la traduction*», Gallimard, 1963) замечает, что английские термины *machine translation, computer translation*, особенно *machine translation* не привели к появлению во французском языке возможной кальки *traduction machine* несмотря на существование в современном французском языке структур типа *tonne-kilomètre, année-lumière*.

Из перечисленных эквивалентов термина *машинный перевод* наиболее употребительным стал термин *traduction automatique*. Как отмечает Ж. Мунэн, термин *traduction mécanique* уступил термину *traduction automatique* во-первых, в точности значения, поскольку с ним ассоциируется выражение *механический перевод* (то есть не творческий), во-вторых, слово *mécanique* не отражает того факта, что перевод должны осуществлять не машины вообще, а именно электронные машины.

В связи с затрагиваемым вопросом об английских заимствованиях следует отметить одну особенность, состоящую в том, что для французской системы терминологии характерно создание французских аналогов для заимствуемых ею терминов: *feeder, alimentateur — фидер, dispatcher, controleur, répartiteur automatique — автодиспетчер, pick-up, sensor, capteur, élément sensoriel — воспринимающий, чувствительный орган*.

Таковы некоторые наблюдения в области терминологии по электронике и машинному переводу во французском языке и ее переводу.

Особую трудность при переводе составляют некоторые явления грамматического, в частности, синтаксического плана.

Из синтаксических соответствий в статье будут разобраны виды эквивалентов, которые могут использоваться при переводе некоторых конструкций, типичных для синтаксиса русских технических текстов.

К числу характерных для русских технических текстов синтаксических конструкций относятся препозиционное определение, выраженное преимущественно причастными оборотами, а также многочленные определения (генитивные конструкции) и отглагольные существительные.

Основным эквивалентом препозиционного определения являются во французском языке придаточные определительные предложения, вводимые относительными местоимениями предложными и беспредложными (*qui, le quel, auquel, dont, par lequel, sur lequel, etc.*)

...закономерности проте-
кающих в них процес-
сах...

...les lois des processus qui
s'y observent...

Однако при переводе препозиционного определения следует использовать и другие виды эквивалентов, позволяющие избегать повторения придаточных предложений. В качестве таких эквивалентов могут выступать прилагательные, причастия (1) и причастные обороты (2), существительные (3):

...сформулируем возни-
кающую на этой основе
проблематику (1)

...essayer de formuler les
problèmes ainsi soulevés.

Решаемые автоматизаци-
ей проблемы нам ка-
жутся очевидными (2)

Les solutions apportées par
l'automation nous pa-
raissent être évidentes.

В опыте формы ИБМ уп-
равляющие работой ма-
шины коды были жестко
связаны со словарем...

Dans l'essai tenté par IBM
les codes de direction
du travail de la machine
étaient liés au dictionnai-
re...

(3)

Предметом особого рассмотрения и изучения является перевод отглагольных существительных, употребляющих-

ся в различных функциях: подлежащего, дополнения, обстоятельства, определения и т. д.

Следует отметить, что отглагольные существительные довольно широко употребляются во французских технических текстах, тем не менее их удельный вес во французском техническом языке несколько ниже, чем в русском языке, что необходимо учитывать при переводе.

Так, помимо отглагольных существительных в качестве эквивалентов русских отглагольных существительных во французском языке могут выступать инфинитив (1), деепричастия (2), причастия (3), придаточные предложения, а также конструкция «*participe absolu*» (4), особенно употребительная во французских текстах:

Это создавало большие трудности при любой попытке расширения словаря или учета новых возможностей построения предложения.

(1)

Это достигается, например, особой организацией выборки слов из словаря, разработкой некоторых специальных приемов. (2)

Это создает искусственные ограничения возможностей перевода. (3)

После составления алгоритма для перевода возникает вопрос о его осуществлении на машине. (4)

Toute tentative pour étendre le vocabulaire ou pour multiplier les constructions grammaticales devait donc se heurter à de grandes difficultés.

On y parvient en organisant, par exemple, de manière spéciale le choix des mots dans le dictionnaire, en élaborant des méthodes spéciales.

Ce qui crée des barrières artificielles limitant les possibilités de traduction.

L'algorithme de la traduction ayant été élaboré la question qui se pose est celle de sa traduction dans la machine.

Русские отглагольные существительные следует заменять также получающими все большее распространение во французском языке рассмотренными «адъективированными» структурами (типа *recherche documentaire*, *documentation automatique* для автоматизации информационных работ см. примеры выше), а также пассивными конструкциями с прилагательными на *-able*, например: *L'information est-elle mathématisable et objectivable?*

Употребительность указанных прилагательных под-

тверждается также следующими примерами: «les opérations syntaxiques **programmables**; les opérations **automatisables**; une telle vérification n'est pas **faisable** sans recourir à un informant...»

Прилагательное на **-able** часто выступает эквивалентом также довольно распространенной в техническом языке структуры — *susceptible de*: ... de trouver le formalisme susceptible d'engendrer toutes les phrases possibles; des exemples de ces règles empiriques susceptibles d'améliorer le mot — à mot brut.

Синонимичность данных структур можно использовать при переводе, сравните:

de règles logiques **susceptibles d'être appliquées** à l'ensemble du vocabulaire

de règles logiques **applicables** à l'ensemble du vocabulaire

Одной из наиболее характерных для научного синтаксиса конструкций является генитивная конструкция, употребительность которой объясняется ее большей по сравнению с другими конструкциями семантической емкостью. Особенностью данных конструкций является свойственная им многоступенчатость подчинений; например, в следующем предложении употреблено четыре генитива: «Изучение (1) проблемы (2) естественного причинного возникновения (3) целесообразных управляющих систем (4) живой природы».

Обычно генитивные конструкции переводят буквально, при помощи словосочетаний с предлогом **de**.

Между тем, как показывают наблюдения, во французском языке такого рода конструкциям чаще соответствуют причастные обороты или придаточные определительные предложения, которые позволяют, во-первых, устранить известную неуклюжесть многоступенчатых генитивов и, во-вторых, избежать последовательного нанизывания предлога **de**.

Сравните, например, перевод следующей конструкции — «вопросы автоматизации перевода с одного языка на другой приобрели большое практическое значение» — , выполненный буквально и с учетом указанного приема перевода:

(Les problèmes de l'automatisation) de la traduction ont acquis une importance pratique

Les problèmes **que pose (posés par)** l'automation de la traduction...

При использовании данного способа перевода необходимо обратить особое внимание на правильный выбор причастия, заменяющего предлог и выступающего в роли связки между двумя существительными в причастном обороте:

1. в (опыте фирмы) ИБМ...	dans l'expérience tentée par la firme IBM...
2. разбиты на (подклассы слов), эквивалентных с точки зрения...	divisés en sous-classes groupant les mots semblables...
3. позволяет сократить (время этих проверок)	ce qui permet de réduire le temps employé a ces tests
4. (примеры Хомского) доказывают...	les exemples fournis par Chomsky...
5. (экономичность такого «лексического» кодирования) может быть очень велика...	l'économie apportée (réalisable) par un codage «lexical» de ce type peut être extrêmement important...

Причастный оборот может выступать эквивалентом именных словосочетаний другого типа, в частности, предложных именных словосочетаний:

1. результаты по автоматическому переводу на машине	les résultats obtenus dans la traduction automatique
2. цифровая вычислительная машина с достаточным объемом памяти	un ordinateur disposant (pourvu) d'un volume de mémoire suffisant.
3. слова с некоторыми индивидуальными особенностями	les mots possédant certaines caractéristiques particulières

Представляется, что включение лингвистического комментария в пособия по техническому переводу способствовало бы более рациональному преподаванию этого вида перевода.

V. ЗАМЕТКИ И РЕЦЕНЗИИ

А. Швейцер
(Москва)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ СПЕЦИФИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ЖАНРА

В одном из разделов «Пособия по переводу с английского языка на русский»¹ формулируется ряд принципиальных установок относительно перевода газетно-информационных материалов с английского языка на русский. Некоторые из них представляются спорными. Заранее оговоримся: критические замечания по поводу одного из частных положений «Пособия» ни в коей мере не влияют на ту высокую оценку, которой заслуживает книга в целом. Высказываемое здесь несогласие с авторами следует понимать лишь как спор по одному из конкретных вопросов теории перевода, представляющему, на наш взгляд, определенный интерес для широкого круга читателей.

Выделяя отличительные признаки стиля английской печати, авторы «Пособия» указывают, в частности, на разговорно-фамильярный характер ряда материалов, на «разукрашивание» стиля употреблением жаргонизмов, перифраз и т. п. В то же время «стиль наших газетных сообщений и статей значительно более строгий и сдержанный». Исходя из этого, авторы считают наиболее правильным «отказ от передачи таких жанровых особенностей во имя адекватной передачи характера жанра в целом: если по-английски это материал информационно-описательного жанра, то и перевод должен обладать всеми признаками, которыми этот жанр обладает в русском языке». Сформулированное таким образом требование аргументируется сле-

---

¹ В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. Пособие по переводу с английского языка на русский. Часть II. Грамматические и жанрово-стилистические основы перевода. М., 1965, стр. 213 и далее.

дующим образом: все эти разговорно-фамильярные формы, а также попытки приукрасить сухое сообщение, используя отдельные жаргонизмы, перифразы и т. п. давно стали привычными для английского читателя, тогда как на русского читателя они произведут гораздо более сильное впечатление в силу своей необычности. Отсюда вывод: попытка передать жанровые особенности оригинала приведет к тому, что будет нарушена его стилистическая окраска. Это положение иллюстрируется следующими примерами:

Instead of answering he took the line of "you're another". (Daily Worker)

In another "Let's get cracking" Note, the Soviet Union today proposed next Thursday as the starting date for Ambassadors' talks in Moscow to prepare a Summit conference, (Daily Worker)

По поводу первого примера авторы пишут, что «трудно себе представить серьезный репортаж в нашей советской газете, в котором сообщалось бы, что такой-то государственный деятель защищался в парламенте от критики по принципу «от дурака слышу». Второй пример снабжался эталонным переводом:

«В новой ноте, предлагающей приступить к непосредственной подготовке совещания в верхах, Советский Союз назвал сегодня следующий четверг в качестве даты начала переговоров послов в Москве».

Прежде всего вызывает сомнения характеристика стиля репортажей в советской прессе. Было бы заблуждением полагать, что все репортажи и корреспонденции в нашей прессе пишутся в одном и том же стилистическом ключе. На самом деле индивидуальный почерк их авторов едва ли может быть подведен под единый стереотип «строгий и сдержанный». Достаточно сравнить корреспонденции М. Стурюа, Б. Стрельникова, О. Орестова, Г. Боровика и других советских журналистов, столь непохожих друг на друга по эмоционально-экспрессивной окраске своих репортажей. С другой стороны, едва ли есть основания считать, что стиль газетных репортажей в нашей печати непроницаем для разговорных интонаций, для коллоквиализмов. Вот несколько примеров, взятых наугад из одного номера «Известий» (13 марта 1967 г.):

— Американская помощь турецкой армии, — горько усмехнулся мой коллега. — По-моему,

это давно вышедшее из моды и списанное барахло, требующее капитального ремонта. (Корреспонденция А. Шерифова из Анкары)

Не дай бог, Япония скажет «нет» американским военным базам или воспротивится продлению договора безопасности в 1970 году. Что-то будет тогда! Жуть! Сокращение вооруженных сил, возвращение офицеров в штабы, поиски для них теплых местечек. Это и пугает слабонервных. (Корреспонденция Б. Чехонина из Токио)

Словом, убийцы — наши, ножи — ваши.
(В. Ведерников)

Сказанное выше в значительной мере относится к стилю английской и американской прессы. И здесь публикуемые материалы характеризуются весьма широким экспрессивно-стилистическим диапазоном, определяемым, с одной стороны, индивидуальным почерком автора, а, с другой, традицией того или иного печатного органа. Так, например, склонность к разговорно-фамильярным формам или жаргонизмам едва ли можно приписать, скажем, «Нью-Йорк таймс», «Крисчиен сайенс монитор» или лондонской «Таймс». Ярким индивидуальным своеобразием отличаются газетные репортажи Э. Пайла, Р. Паркера, Элистера Кука и других. Думается, что не следует ни в коем случае отказываться от передачи этого индивидуального своеобразия в переводе во имя ориентации на некий «средний стиль».

Разумеется, все это отнюдь не означает, что английская печать не обладает рядом характерных жанрово-стилистических черт, отличающих ее от советской печати. Эти отличительные признаки, несомненно, существуют, хотя искать их следует в несколько иной плоскости (на наш взгляд, стиль советской прессы в целом характеризуется несколько большей приподнятостью, а стиль английской печати — большей «заземленностью»). Однако даже если предположить, что различие это сводится к тем признакам, которые указываются в «Пособии», то из этого никак не следует, что передавая стилистическую окраску подлинника, переводчик должен ориентироваться не на стиль оригинала, а на «средний стиль» советской печати. На практике такая ориентация неизбежно приводит к ощутимым потерям при переводе. Примером тому может служить предлагаемый авторами перевод “Let’s get cracking Note”—«нота

предлагающая приступить к непосредственной подготовке совещания», начисто лишенный той экспрессии, которая явно ощущается в подлиннике.

Ведь если последовательно проводить в жизнь установку, сформулированную в «Пособии», то следовало бы при переводе с русского на английский «разукрашивать» текст коллоквиализмами, жаргонизмами, перифразами и т. п., чтобы создать у английского читателя привычное ощущение, что он читает статью из английской или американской газеты, а не перевод. Однако этого, разумеется, никто не делает, хотя многие привычные для советского читателя обороты звучат несколько необычно для английского или американского читателя. Возникает вопрос: а нужно ли вообще создавать такую иллюзию? На наш взгляд, это не только нецелесообразно, но и, пожалуй, неосуществимо. Недаром такие печатные органы, как еженедельник «За рубежом», систематически печатающие переводы материалов иностранной прессы, вовсе не пытаются нивелировать их жанрово-стилистические особенности и подогнать их под «средний стиль» советской печати.

Думается, что принцип адекватности, требующий исчерпывающей передачи не только содержания, но и формы оригинала в ее индивидуальном своеобразии, должен быть распространен на все виды перевода, в том числе и на перевод газетно-информационных материалов. Вопрос об адекватной передаче экспрессивной окраски подлинника в немалой мере зависит от того, насколько свежими или «стертыми» являются используемые автором стилистические приемы. Но этот вопрос надо решать конкретно и дифференцированно, исходя в каждом отдельном случае из специфики переводимого материала, а не абсолютизируя «законы жанра».

В. Уваров
(Москва)

ВЕЖЛИВОСТЬ, ИЗЯЩЕСТВО И ПЕРЕВОД

Странное дело обычно происходит при переводе разговорной речи с итальянского языка на русский: неприжуденный разговор чаще всего обращается в официальную беседу, а при сознательном снижении стиля перевода почти тотчас же переходит в просторечие.

Дело в том, что итальянский, испанский и французский языки гораздо однороднее русского: в них нет той обширной области сравнительно недавних заимствований XVIII — начала XIX века, употребление которых отличается у нас преимущественно письменную речь. Наиболее однороден, пожалуй, итальянский литературный язык, так как устная литературная речь отличается от письменной гораздо меньше, чем от диалектов, которые продолжают широко использоваться в повседневном общении итальянцев. Диалект в Италии — это своего рода просторечие, не смыкающееся, однако, с разговорной литературной речью, как в русском. Напротив, не очень образованным, привыкшим к диалекту итальянцам кажется, что заговорить на литературном языке значит «заговорить как напечатанная книга» — *parlare come un libro stampato*. Тем не менее, обращаясь к множеству людей, особенно если они из разных мест, приходится говорить на этом «вышнем» языке. И тогда все большее влияние начинает оказывать ведущая категория итальянской стилистики — изящество, *eleganza*. Этот наиболее популярный стилистический критерий итальянского языка, сложившийся, очевидно, за века развитого ораторского искусства и закрепленный в эстетическом учении Кроче, проникает ныне даже в словарь: об иных выражениях не говорится, как обычно, правильны они или неправильны, а изящны или не очень. Такая стилистическая направленность еще более возвышает стиль устной литературной речи и приближает ее к письменной.

Отсюда следует, что текст на литературном итальянском языке никак не может переводиться на русский простонародным стилем. Даже если писатель склонен скорее к разговорному, чем к книжному языку, как неореалисты, вряд ли он опустится до вульгарности. Во всем рассказе Итало Кальвино «Грибы в городе» только кульминация — крушение надежд Марковальдо — выделена просторечием «*il raccolto gli veniva portato via così, di sotto il naso*» «урожай... уходил у него прямо-таки из-под носа». В остальном разговорность количественно и качественно почти уравнивается книжностью: отдельные члены предложения выделяются внутри больших нормативно построенных периодов, фразеологизм «*non veder l'ora di*» («ему не терпелось») появляется наряду с *animo дух*, *esistenza существование* и *giurisdizione ведение*. Широко представлен *congiuntivo*, который, с одной стороны,

в малокультурной речи часто заменяется на *indicativo*, а, с другой, при грамматической возможности параллельного варианта с *indicativo* характеризует именно разговорную, более эмоциональную речь. Таким образом, повествование Кальвино есть разговорная речь образованного человека, изящно и непринужденно вводящая в типично разговорную конструкцию с глаголом *fare* книжные слова *oggetto di ragionamento* (дословно «сделать предметом размышления»).

Но и речь Марковальдо, хотя он никак не может стать настоящим горожанином, после двойного «возвышения» — от диалекта к общенародному языку и далее к изящной, художественно обработанной речи — чрезвычайно приблизилась к авторской. Более сильная разговорность достигается здесь не сниженной лексикой, а фразеологизмами, порядком слов, усилительными частицами, неполными предложениями. Те же приемы необходимо применить и в переводе, например, передавая «*e guai a voi, se vi lasciate sfuggire una parola*» как «и не поздоровится вам, если проговоритесь» (а не «проболтаетесь»). Конечно, такое обращение отца к детям кажется русскому, да и, пусть в меньшей степени, итальянскому читателю несколько «повышенным» по сравнению с действительностью. Однако только вежливость сохраняет в русском переводе изящество итальянского подлинника. Но всегда ли она достижима? Впрочем, Ломоносов, повторив за Карлом Пятым, что «италианским с женским полом говорить прилично», в русском языке уже той эпохи находил «нежность италианского»...

В. Аврамов
(Москва)

О РАБОТЕ ДЖ. КЭТФОРДА «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА»²

Отличительной особенностью данной работы, вышедшей недавно в Оксфорде, является первая в английской лингвистической литературе попытка дать стройную и законченную теорию перевода на основе современных взглядов и представлений о языке.

---

² John Catford. *A Linguistic Theory of Translation*, Oxford, London, 1965.

Во вступлении к своей книге Дж. Кэтфорд отмечает, что в настоящее время перевод является той областью, где перекрещиваются интересы не только лингвистов, переводчиков и преподавателей, но и математиков, и электронных инженеров. Уже написано много работ, где перевод рассматривается как один из видов искусства, либо как проблема программирования для вычислительных машин и т. п. В то же время в лингвистике имеется пока еще очень мало работ, где ставится задача выяснения сущности перевода как такового, как процесса, имеющего свою собственную лингвистическую основу. Именно эту сложную задачу ставит в своей работе Дж. Кэтфорд.

Труд автора посвящен теории перевода, но в отличие от других работ такого рода, появившихся за последнее время в разных странах (напр., книги Ж. Мунэна «Теоретические проблемы перевода», о которой мы уже писали в «Тетрадах переводчика»³) здесь не исследуются различные точки зрения на перевод, не прослеживается история возникновения тех или иных теоретических проблем перевода, с тем чтобы читатель, не имеющий особой подготовки по общей лингвистике, мог сам в конечном счете присоединиться к той или иной точке зрения на перевод.

Автор исходит из определенной системы лингвистических идей, уже в достаточной степени оформившихся и получивших большое распространение в английской лингвистической школе, главным образом, под влиянием взглядов Дж. Р. Ферса и его последователей. Эти представления о языке излагаются кратко автором в первой главе.

В основу книги положен курс лекций, прочитанный автором в Школе прикладной лингвистики при Эдинбургском университете. Характерно, что это издание вышло в серии «Язык и изучение языка», где уже были опубликованы такие известные работы по теории и методике преподавания языка, как книга Г. Суита «Практическое изучение языков», Г. Пальмера «Принципы изучения языка» и Дж. Ферса «Человеческие языки и речь». Тем самым как бы подчеркивается практическая направленность этого труда по теории перевода, о чем прямо говорится в предисловии.

Автор строит теорию перевода дедуктивным путем, исходя из лингвистического анализа коммуникации и из общих положений лингвистической теории. В первой главе дается весьма компактное изложение основных понятий,

---

³ См. «Тетрады переводчика», вып. 3, М., 1966.

характеризующих язык как сложную иерархическую структуру различных уровней. Вслед за Дж. Ферсом и А. К. Холлидеем⁴ он разграничивает неформальные и формальные уровни в языке, относя к последним грамматику и лексику. Взаимодействие этих уровней является, по мысли автора, определяющим для каждого языка. Взаимоотношение между грамматикой/лексикой, с одной стороны, и ситуацией, с другой, определяет то, что называется автором контекстуальным значением или контекстом. При этом справедливо обращается внимание на различие уровней грамматики и лексики. Для грамматического уровня языка характерно наличие закрытых систем с ограниченным числом элементов, оппозитивные отношения в каждой системе, при которых любые изменения в числе элементов ведут к изменению «значимости» других элементов и т. п. Для уровня лексики характерно наличие открытых систем. Автор дает определения основных категорий, которые используются им в ходе дальнейшего изложения своей теории, таких как единица, структура, класс и система.

Дж. Кэтфорд особо подчеркивает относительную автономность фонологии как промежуточного уровня по сравнению с формальными уровнями грамматики и лексики, расходясь здесь с Дж. Ферсом и его последователями. Описывая выделенные им уровни, он устанавливает иерархию основных единиц на каждом уровне.

Опираясь на кратко и четко сформулированную систему основных лингвистических понятий, автор дает во второй главе определение процесса перевода и различных типов перевода. В наиболее общем виде процесс перевода может быть представлен, по Кэтфорду, как процесс «замены текста на исходном языке (ИЯ) эквивалентным текстом на языке перевода (ЯП)». В этом определении, очевидно, ключевым является понятие эквивалентности и эквивалента, анализу которых посвящены последующие главы книги. Понятие эквивалентности самым непосредственным образом связано с понятием лингвистического значения.

В своей теории перевода автор опирается на теорию значения, выдвинутую Дж. Ферсом, согласно которой, в частности, «язык перевода (ЯП) и исходный язык (ИЯ) имеют свои собственные системы значений». С этой точки зрения, значение является неотъемлемым свойством каж-

---

⁴ См., напр., А. К. Halliday. *Categories of the Theory of Grammar*. Word, vol. 17, 1961.

дого данного языка, вследствие чего перенос значений при переводе принципиально неосуществим. Это с необходимостью вытекает из определения значения у Ферса как «сети отношений, в которые входит любая лингвистическая форма». Так, русский язык имеет свою специфическую систему значений, английский язык — свою и т. д.

Бесполезно было бы здесь анализировать данную теорию значения, которая в настоящее время разделяется очень многими видными лингвистами, с точки зрения других взглядов на значение. В пределах данной рецензии это невозможно сделать. Посмотрим, какие выводы следуют из такого подхода к лингвистическим значениям.

Поскольку системы значений любых двух языков не совпадают, перевод не следует понимать как перенос (transference) значений из одного языка в другой. В чем же заключается сущность процесса перевода? На этот вопрос можно ответить, проследив дальше за рассуждениями автора.

Каждая формальная лингвистическая единица как грамматики, так и лексики входит в отношения двух видов — формальные и контекстуальные, которые редко совпадают полностью в исходном языке и языке перевода. Дж. Кэтфорд иллюстрирует это на элементарных примерах. Он дает семантический анализ двух фраз — английской и русской (*I have arrived* и *Я пришла*) на уровне различительных признаков, которые определяются автором как такие существенные черты ситуации, которые обязательно выражаются формально. При этом оказывается, что лишь некоторые различительные признаки совпадают. Действительно, анализ английской фразы дает нам следующие элементарные значения:

а) один участник ситуации (действующее лицо): *I* противопоставлено *we*, *they* и т. д.

б) событие *arrive*, противопоставленное другим событиям, напр., *eat*, *leave* и т. п.

в) событие, произошедшее в прошлом и связанное с текущей ситуацией, что следует из противопоставления форм: *have arrived* и *arrive*.

При анализе русской фразы можно выделить следующие элементарные значения:

а) один участник ситуации (действующее лицо): *Я* противопоставлено *мы*, *они* и т. д. ;

б) женский род, что следует из противопоставления *пришла* — *пришел*;

в) событие *приходить*, противопоставленное другим событиям, напр., *выходить* и т. п.;

г) событие в прошлом, что следует из противопоставления *пришла* — *прихожу*;

д) законченность, перфективность действия, что видно из противопоставления, напр., *пришла* и *приходила* и т. д.

Сопоставление этих значений, как отмечает автор, показывает, что их набор для английской и русской фраз различен, что они не полностью совпадают. В то же время эти фразы эквивалентны при переводе. Следовательно, эквивалентность при переводе нельзя понимать как перенос значений из одного языка в другой.

Уже такой предварительный анализ показывает отсутствие формальных совпадений в языках с точки зрения их значений. Однако, значит ли это, что перевод из-за этого оказывается невозможным? Нет, не значит.

Отмечая, что формально-семантические единицы редко имеют «то же самое значение» в лингвистическом смысле, Дж. Кэтфорд подчеркивает, что они могут функционировать одинаково в той же самой ситуации. Равенство ситуации может служить надежной основой для эквивалентности при переводе, устанавливаемой, как правило, на уровне предложений, а также более крупных единиц текста.

Автор делает попытку сформулировать понятие эквивалентности на основе понятия различительного признака значения. Здесь он отталкивается от аналогичного понятия в фонологии. В главе 7 под названием «Условия эквивалентности при переводе» он прежде всего отмечает, что тексты на исходном языке и языке перевода могут считаться эквивалентными, если они «взаимозаменяемы в данной ситуации». Поскольку предложение является грамматической единицей, наиболее непосредственно связанной с речевой функцией в данной ситуации, эквивалентность при переводе почти всегда устанавливается на уровне предложения.

При переводе в целом единицы текстов на исходном языке и языке перевода имеют перекрещивающиеся значения, их контекстуальные значения включают отношения к определенным общим чертам ситуации. Поэтому текст на языке перевода должен соотноситься по крайней мере с некоторыми различительными признаками исходного текста. Кэтфорд высказывает предположение, что чем больше число общих различительных признаков, ха-

рактизирующих некоторую данную ситуацию в контекстуальных значениях текстов ИЯ и ЯП, тем лучше перевод. Следовательно, основной задачей перевода является выбор эквивалентов на языке перевода таким образом, чтобы их значения наиболее полно перекрывали ситуацию, описываемую текстом на ИЯ.

Вслед за этим автор дает определение пучка различительных признаков как совокупности ситуативных черт, которые существенны для данного текста и которые определяют выбор той или иной лингвистической формы. Если опираться на это понятие, аналогичное соответствующему понятию в фонологии (с той разницей, что различительные признаки в семантике соотносятся с ситуацией, а не со звуковой субстанцией), то можно, по мысли Дж. Кэтфорда, определить условия эквивалентности при переводе следующим образом: «эквивалентность при переводе возникает тогда, когда устанавливается соответствие между различительными признаками (по крайней мере, некоторыми из них) текста на исходном языке и текста на языке перевода» (стр. 50).

На основе своего подхода к значению автор затем получает возможность взглянуть по-новому на сущность грамматических и лексических преобразований при переводе как явлений двух разных уровней, на взаимодействие этих уровней в процессе перевода, он заново формулирует многие традиционные понятия, такие как точность и полнота перевода и т. п.

Как мы видим, теория Дж. Кэтфорда отличается четкостью, последовательностью в проведении основных лингвистических идей, интересным подходом к семантическим проблемам, которые занимают центральное место в теории перевода. В этом смысле его книга в выгодную сторону отличается от других теорий перевода, разработанных за последнее время, где именно эти проблемы обходятся стороной. Книга охватывает по сути дела все основные проблемы теории, несмотря на то, что объем ее сравнительно невелик (всего 103 стр.).

В то же время подход Дж. Кэтфорда к семантическим проблемам не свободен от недостатков, которые объясняются не уязвимостью его лингвистической концепции, а скорее недостаточной пока разработкой семантической теории в рамках общей лингвистики. В своей теории автор опирается не столько на то, что уже сделано в лингвистике, сколько на то, что ей еще предстоит сделать. Это становится

ся особенно очевидным, когда автор переходит к анализу предложений с семантической точки зрения и начинает выделять различительные признаки (хотя бы в качестве примера). Из приведенных выше примеров ясно видно, что различительные признаки выделяются интуитивно, без опоры на какие-либо определенные критерии, несмотря на то, что автор исходит из идеи противопоставлений при их выделении.

Сама идея системности языковых средств на различных уровнях языковой структуры, а также различный характер этой системности на уровне грамматики и лексики не находит должного развития в теории Кэтфорда. Поэтому часто вместо объемной картины взаимоотношений различных систем двух языков при переводе мы видим плоскую структуру уровней наподобие «этажерки» представителей дескриптивного направления в лингвистике, а новые понятия применяются часто в этой книге, к материалу, описанному с точки зрения устаревших традиционных понятий.

Об этом свидетельствует, например, сопоставительный анализ системы выражения видов в английском и русском языках, который приводится автором в главе 12, где разбирается важный вопрос о так называемых «сдвигах» при переводе (под сдвигами автор имеет в виду такие отступления от формальных соответствий при переводе, которые приводят к замене одних грамматических или лексических категорий другими, или к замещению единиц одного формального уровня единицами другого уровня). Все рассуждение автора сводится здесь по сути дела к одному частному вопросу выражения законченности или незаконченности действия в русских глаголах, несмотря на то, что здесь высказана интересная мысль о различной маркированности видовых оппозиций в английском и русском языках. Схема соотношения видовых форм английского и русского глагола, которая приводится на стр. 74, заимствована из грамматик, написанных на основе традиционных методов, и не отражает всей сложной системы взаимоотношений между видо-временными формами в современном английском и русском языках. В силу этого дальнейшие рассуждения о способах перевода русских глаголов совершенного вида не являются точными, а различительные признаки, выделяемые автором, лишь приблизительно отражают взаимодействие видовых значений при переводе.

Между тем сопоставление видо-временных форм английского и русского глагола, проводимое на уровне целых систем, с применением более строгих методов анализа могло бы дать ценный материал для выяснения этой интересной проблемы⁵. Этот пример показывает, что разработка теоретических проблем перевода тесно связана с работой по дальнейшему совершенствованию сопоставительных описаний грамматики и лексики изучаемых языков. Задачи здесь действительно очень обширны, и особенно много предстоит еще сделать в области изучения семантики языков, на которую опирается теория перевода.

Сам Дж. Кэтфорд не строит иллюзий на этот счет. Вводя понятие различительного признака и пучка различительных признаков в главе, имеющей дело с эквивалентностью при переводе, он прямо отмечает, что, к сожалению, общая лингвистика пока не располагает научной теорией «семетики» (или плевретики), на которую можно было бы опереться при выделении различительных признаков значения (в отличие от фонологии, где такие теории уже построены). В силу этого «при обсуждении контекстуальных значений и их отношений к ситуации мы вынуждены пока оперировать с терминами, установленными *ad hoc*» (стр. 50).

В рамках данной рецензии мы постарались осветить лишь ту часть работы Дж. Кэтфорда, которая имеет непосредственное отношение к семантическим проблемам и которая является главной в его теории. В целом это интересная и оригинальная работа, она отличается продуманностью и цельностью, а также завидной краткостью ее отдельных частей, которая свидетельствует о ясном понимании тех теоретических проблем, которые стоят в настоящее время перед этой еще мало разработанной областью лингвистики.

М. Цвиллинг
(Москва)

ЧИТАЯ «СИМПЛИЦИССИМУСА» ПО-РУССКИ

В фонде русских переводов классических произведений мировой литературы стало одним пробелом меньше — в

⁵ Попытка такого рода сопоставления сделана нами в работе: «Опыт сопоставительного анализа видо-временных систем глагола современного английского и русского языков», Ученые записки I МГПИИЯ им. М. Тореца, т. 39, М., 1968.

1967 г. издательством «Наука» выпущен «Симплициссимус».⁶

Публикация выдающегося литературного памятника, да к тому же еще в первом переводе⁷ — отнюдь не повседневное событие. Переводчик, он же комментатор издания, посвятил этому труду не один десяток лет. Эта работа, в результате которой одно из самых оригинальных произведений немецкой литературы стало доступным нашему читателю, заслуживает всяческого одобрения и признания.

В настоящей заметке, естественно, невозможно дать полный разбор всех проблем, связанных с переводом подобного произведения. Дистанция в три века, отделяющая переводчиков от автора, сама по себе уже порождает бесчисленное множество трудностей.

Принципиальные установки перевода изложены А. А. Морозовым в предисловии к «Примечаниям»:

«Временная удаленность памятника учитывалась не сама по себе, а в том отношении в каком она определяла стилистические особенности оригинала.

Поэтому настоящий перевод не следует рассматривать как «стилизацию» с последовательным воспроизведением лексики, прикрепленной к определенному времени. При переводе было обращено внимание прежде всего на то, чтобы воссоздать доступными средствами своеобразную сказовую форму романа, основной особенностью которого является смешение книжного и простонародного языка и стиля, от чего в значительной мере и зависит его ироническое и сатирическое звучание» (стр. 608).

В своей основе эти установки, несомненно, верны, хотя их последовательное применение в каждом отдельном случае — дело весьма проблематичное.

Воспроизведение стилистических особенностей подлинника возможно лишь с высокой степенью условности, так как стилистическая структура немецкого языка XVII в. очень далека от стилистической структуры современного русско-

---

⁶ Г. Я. К. Г р и м м е л с г а у з е н. Симплициссимус. Пер. А. А. Морозова и Э. Г. Морозовой. Л., «Наука», 1967. Статья и примечания А. А. Морозова.

⁷ Вышедшее более сорока лет назад на русском языке издание «Чудаковатый Симплициссимус» (пер. Е. Гуро, М.-Л., 1925) представляет собой значительно сокращенный и упрощенный пересказ фабульных разделов романа, в стиле распространенных детских обработок таких произведений мировой литературы как «Путешествия Гулливера», «Дон-Кихот» и др.

го языка. Формально сходные выразительные средства (напр., длинные периоды) могут обладать в обоих языках совершенно различным стилистическим потенциалом. Воссоздать у современного читателя впечатление, которое «Симплициссимус» производил на современников, заведомо невозможно из-за полного несовпадения критериев оценки тех и других. С другой стороны, едва ли осуществима в сфере русского языка реконструкция того «эффекта очуждения», который возникает при чтении «Симплициссимуса» современным нам немецким читателем: ведь пути формирования и темпы изменения русского и немецкого языков были совершенно различными.

Формально говоря, задача переводчика сводится к решению следующей пропорции:

$$X : P_{xx} = N_{xvii} : N_{xx},$$

где символы «Р» и «Н» обозначают соответственно русский и немецкий языки, а цифровые индексы — их исторические состояния.

При всей кажущейся простоте эта пропорция, однако, неразрешима, ибо неизвестное «х» не тождественно ни одному из реально существовавших состояний русского языка. Специфические соотношения книжной и разговорной форм языка, диалектальные различия, обилие варваризмов, характерное для эпохи Тридцатилетней войны, невоспроизводимы средствами русского языка, хотя они несомненно «определяли стилистические особенности оригинала».

Переводчики избрали путь так называемой компенсации: «Невоспроизведенные в переводе галлицизмы отчасти уравниваются общим характером синтаксиса, отражающим иноязычные (латинизированные) конструкции, свойственные русской старинной прозе».

Трудно согласиться с целесообразностью такой компенсации. В русском языке латинизированные конструкции — признак книжности, учености, им присущ оттенок выпренности, тогда как варваризмы Тридцатилетней войны имеют скорее противоположную социально-стилистическую природу.

В более широком плане вопрос о необходимости и допустимости той или иной степени стилизации в переводе тесно связан с назначением данного перевода. Серия «Литературные памятники» задумана как научное предприятие, ее тома предназначены для филологов, философов, исто-

риков, искусствоведов. Едва ли может встать вопрос об изучении стиля Гриммельсгаузена по тексту перевода. Изучение же книги как культурно-исторического памятника выдвигает на первый план ее содержание, которое наиболее доступно при условии выбора умеренно-нейтральных средств перевода. Кстати сказать, степень индивидуальности стиля Гриммельсгаузена, если сопоставить его с авторами XIX — XX вв. очень невысока — языковой узус превалирует над волей автора.

В своем стремлении компенсировать стилистические особенности оригинала (не различая авторские приемы и признаки языка эпохи) переводчик порой приходит к результатам, способным лишь дезориентировать читателя. Например, следующая фраза: „...und ihr den Lebensunterhalt so gut, als es das Glück und die Natur in dieser Gegend beschere...“⁸ (стр. 636) переведена так: «...и дозволим ей вместе с нами вкушать плоды, которые нам ниспосллют в сей местности Фортуна и Натура» (стр. 421).

Персонификация «удачи» и «природы» введена переводчиком в порядке компенсации. Но имена римских божеств создают видимость прямых связей с определенными литературными традициями и даже быть может и источниками там, где их на самом деле нет.

Тем же принципом компенсации диктуется включение в перевод вышедших из употребления и ставших уже непонятными русских слов типа «отудобел» (стр. 423), «бастрюк» (стр. 310), «гунсвот» (стр. 405) и т. п. Отдельные слова, необходимые для обозначения специфических реалий, конечно, всегда будут нуждаться в объяснениях, но употребление заведомо непонятных и требующих комментария слов взамен более понятных и употребительных синонимов не имеет никакого смысла. Так: например, в русском тексте оставлено французское слово *soignon* (стр. 180), к которому дано примечание (трус, подлец, «сосунок»), хотя в немецком языке это слово вполне понятно и общеупотребительно до новейшего времени. Сходный пример — «Вейдманское право» (стр. 173), по примечанию «лесное право», — это обычное немецкое *Weidmannsrecht*, производное от нарицательного (а не собственного) *Weidmann* что означает попросту «охотник».

---

⁸ Ссылки на немецкий текст даются по изданию Н. J. Chr. von Grim m e l s h a u s e n. Der abenteuerliche Simplicissimus. Verlag Philipp Reclam Jun., Lpz., o. J. (Seit 1945: 2. Auflage, II. bis 20. Tausend)

Число подобных примеров легко можно умножить.

Надо все же признать, что стилистические проблемы перевода настолько сложны, что порой допускаются и различные решения, не исключающие друг друга. Но там, где речь идет о предметной, фактической, смысловой правильности перевода, разных решений быть не может — переводчик обязан передавать содержание текста без искажений при любой степени сложности. Это требование, к сожалению, далеко не всегда соблюдается переводчиками «Симплициссимуса» — следствием чего является немалое число элементарных смысловых ошибок, в известной степени снижающих ценность проделанной ими огромной работы.

Иногда переводчики не понимают отдельные слова: так, bei einer Wasserkunst переведено «в гидравлическом искусстве» (стр. 322) вместо «в водоподъемном устройстве». Слово Kunst в немецком языке кроме значения «искусство» имело также значение «машина», «устройство» (напр. Fahrkunst «рудничный подъемник»).... und warteten der Pferde (стр. 329) переведено «...а лошади были всегда наготове» (стр. 220) вместо «и ухаживали за лошадьми» (взято не то значение глагола warten). ... einen Bauern im Bergischen Land (стр. 321) переведено «крестьянина в одежде рудокопа» (стр. 219) вместо «крестьянина в Бергской земле» имя собственное принято за нарицательное. „... ärger als ein armer Sünder vor dem Richthaus fürchtet“ (стр. 395) переведено «трепещут... сильнее, нежели бедный преступник перед судейским домом» (стр. 267) вместо: «... более, чем осужденный на смерть боится места казни» (это — явный буквализм от незнания идиоматики).

В других случаях происходят «смысловые сдвиги» в целых фразах. На стр. 179, например, мы читаем: «...не сыскать другой такой твари на сем свете, которая больше бы походила на драгуна, нежели мушкетер». Правильно же конец фразы читается: «... которая больше бы походила на мушкетера, чем драгун». („...das einem Musketier gleicher sieht als ein Dragoner,“ стр. 258). Или еще пример: «Тот же отвечал, это уж его печаль заблаговременно распорядиться вырыть могилу своему камраду» (стр. 180) вместо: «Тот же отвечал, чтобы он лучше сам позаботился приказать своим камрадам заблаговременно вырыть для него могилу» („... er möchte solches auf eine Vorsorge seinen eigenen Cameraden vor ihn selbst zu bestellen anbefehlen...,“ стр. 259).

Если в первом примере, быть может, не так уж важно, кто на кого похож, то уж во втором никак не безразлично, кто кому должен рыть могилу.

«Мелкие погрешности» такого рода встречаются в переводе в изобилии. Приведем еще всего два примера.

Стр. 398: «... и изломал на мелкие куски, как то имеет обыкновение злейший смертоубивец, когда предаёт кого колесованию». В оригинале же сказано: «как поступают по обыкновению со злейшим убийцей, когда его предают колесованию.» („... als man dem ärgsten Erzmörder mit dem Rad zu tun pflegt,“ стр. 589)

Стр. 83: «... то со временем сделаюсь я редкостным застольным шутом, к коим благоволят и величайшие властелины мира и над коими могут посмеяться и простые смертные». А вот правильный перевод этого места: «... коего можно поднести в дар и могущественнейшему государю мира и который мог бы рассмешить и умирающих». („...mit dem man auch den größten Potentaten von der Welt verehren und die Sterbende zu lachen machen könnte.“ стр. 112)

На последнем примере наглядно видны истоки ошибок. Слово *vereheren* переводчик передал в соответствии с его наиболее известным значением «уважать». Другое значение — «преподносить» — от него ускользнуло. И хотя синтаксическое построение предложения явно тому противоречило, был избран вариант, построенный на переосмыслении первого значения глагола («уважать — благоволить»). Затем уже вторая половина фразы была как бы «согласована» с первой. Переводческая догадка — неотъемлемый элемент творческого перевода — сослужила здесь переводчику плохую службу. Отсутствие точной информации об изменениях значений слов за триста лет со времени создания памятника приводит, как мы видим к произвольному переосмыслению. Так, слово *Sterbende* (умирающий) получило в переводе несвойственное ему значение «смертный».

Не меньшие трудности встретили переводчики и при расшифровке синтаксической структуры предложения. Следствием этого является иногда искаженная передача целых эпизодов. На стр. 299 рассказан следующий случай: «... и когда сего егеря захватили в плен веймарцы, и он вместе с одним капралом, его товарищем, и шестью мушкетерами захотел снова перейти к имперским, то те, что были посланы за ними в погоню, их побили и ограбили». У Гриммельсгаузена, однако, это изложено вот как: «... и когда его взяли в плен веймарцы, и он захотел снова

перейти к имперским, тогда он вместе со своим товарищем убил капрала и шестерых мушкетеров, посланных за ними в погоню, чтобы вернуть их, и захватил изрядную добычу»⁹. Это искажение, кстати сказать, вдвойне непростительно, так как в данном отрывке пересказывается содержание одной из предыдущих глав (книга 3-я, гл. 23). Сличив оба места текста, переводчик мог легко избежать ошибки.

Отдельные неточности вкрались и в «Примечания», объясняющие те или иные языковые особенности текста. В примечании к стр. 115 сказано: „«Флейт-траверс» (в оригинале *Zwerchpfeife*) — дословно «карликовая флейта». Гриммельсгаузен, вероятно, имел в виду *Querflöte*, то есть поперечную флейту, или флейт-траверс...” (стр. 625) *Zwerchpfeife* никогда не означало карликовую флейту, так как слово *zwerch* всего лишь дублетная форма наречия *quer* (ср. напр. современное *Zwerchfell* «диафрагма»), не имеющая ничего общего со словом *Zwerg* «карлик».

Так правильный (по контексту) перевод «уточняется» ошибочным комментарием.

Анализ перевода «на правильность» неблагоприятная задача. Гораздо интереснее и занимательнее был бы широкий стилистико-литературоведческий разбор переведенного произведения, в котором по достоинству были бы оценены и удачи, а не только промахи переводчиков.

Принципиальные дискуссии, несомненно, плодотворны, но никакая литературоведческая эрудиция, даже в сочетании с самыми неуязвимыми теоретическими посылами, не компенсирует сама по себе того, что может быть сделано лишь кропотливым скромным переводческим трудом, ремесленно-добросовестной работой над текстом.

⁹ „... und als er von den Weimarischen gefangen worden und von denselben sich wieder zu den Kaiserlichen begeben wollen, neben seinem Camerad einen Corporal samt sechs Musketiern, die ihnen nachgesetzt und sie wieder zurückführen sollen, niedergemacht und ansehnliche Beuten davongebracht.“ S. 441.

Коллектив авторов. Тетради переводчика. Редактор В. П. Торпакова. Издательский редактор Н. И. Бажанова. Обложка художника Б. П. Кузнецова. Художественный редактор Г. Ф. Скачков. Технический редактор А. А. Павловский. Корректоры В. Г. Рикс, Н. С. Новова. А-02306. Сдано в набор 24/X 1968 г. Подписано в печать 14/1 1969 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 5,88. Уч. изд. л. 6,05. Тираж 15 000 экз. Издательство «Международные отношения». Москва, И-90, Мещанская, 7. Зак. № 1425. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 24 коп.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Вопросы теории перевода

- Л. Бархударов. Уровни языковой иерархии и перевод 3
- З. Роганова. Лексическая обусловленность выбора грамматической формы при переводе 12

II. Вопросы художественного перевода

- Ю. Волков. Проблема стиля в переводе 23
- А. Дранов. Монолог Гамлета «Быть или не быть». Русские переводы XIX века 32

III. Вопросы устного перевода

- Г. Чернов. Синхронный перевод: речевая компрессия — лингвистическая проблема 52
- А. Гаврилов. Двусторонний перевод — вид устного перевода? 65

IV. Вопросы технического перевода

- И. Гендлина. О терминологических устойчивых сочетаниях в языке немецкой технической литературы . . 72
- Б. Корков. Algunos problemas de la formación de los términos en el contacto de traducción 80
- Г. Савельев. Некоторые языковые особенности французских технических текстов и их учет при переводе 83

V. Заметки и рецензии

- А. Швейцер. К вопросу о передаче специфики функционального жанра 94
- В. Уваров. Вежливость, изящество и перевод 97
- В. Аврамов. О работе Дж. Кэтфорда «Лингвистическая теория перевода» 99
- М. Цвиллинг. Читая «Симплициссимуса» по-русски . . 106

Ученые записки № 6

Сборник издается на общественных началах

Редакционная коллегия:

Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, А. В. Кунин, В. И. Тархов,
Б. Я. Туровер, М. Я. Цвиллинг (отв. ред.)